

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА

4-2025

Р. Челичев 1892
Тема

Главный редактор: Коваль Е.А. (Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Саранск, Россия)

Редакционная коллегия:

Беляева Е. В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Жадунова Н. В. – кандидат философских наук, главный научный сотрудник ГКУ Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (НИИГН);

Зимбули А. Е. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;

Каминский А. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета;

Кулешова Г. П. – доктор социологических наук, профессор, директор Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Логинов А. В. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Осмонова Н. И. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Киргизская (Кыргызская) Республика);

Подольный Н. А. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Романовский Г. Б. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Саликжанов Р. С. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан);

Спринчан С. Л. – доктор хабилитат политических наук, доцент, ученый секретарь Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев, Республика Молдова);

Суслов И. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии;

Сычев А. А. – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь;

Ушкин С. Г. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;

Федосеев Р. В. – доктор исторических наук, доцент, директор Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Фофанова К. В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Чекушкина Е. Н. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Шатино Л. Г. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии;

Шигуров А. В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Юрченкова Н. Г. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске.

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2019 года. До 2021 года журнал выходил под названием «Российский хороший журнал».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:
ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Адрес редакции: Российская Федерация, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, д.6
e-mail: snpractice13@gmail.com;
сайт: <https://snpractice.ru/>

Editor-in-Chief: Ekaterina A. Koval (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia

Editorial Board:

Elena V. Belyaeva (Belarusian State University), Minsk, Belarus;

Natalya V. Zhadunova (Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;

Andrey E. Zimbuli (Herzen State Pedagogical University of Russia), St. Petersburg, Russia;

Alexander M. Kaminsky (Udmurt State University), Izhevsk, Russia;

Galina P. Kuleshova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Alexander V. Loginov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nurgul I. Osmonova (Kyrgyz-Russian Slavic University), Bishkek, Kyrgyzstan;

Nikolay A. Podolny (Kazan Law Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kazan, Russia;

Georgy B. Romanovsky (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Rinat S. Salikzhanov (L.N. Gumilyov Eurasian National University), Astana, Kazakhstan;

Sergey L. Sprinchan (Institute of Legal, Political and Sociological Research, The Academy of Sciences of Moldova) Kishinev, Moldova;

Ivan V. Suslov (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Andrey A. Sychev (Independent Researcher), Saransk, Russia;

Sergey G. Ushkin (Scientific Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;

Roman V. Fedoseev (Kaluga Law Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kaluga, Russia;

Katerina V. Fofanova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Elena N. Chekushkina (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Ludmila G. Shapiro (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Alexander V. Shigurov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nina G. Yurchonkova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia.

Founder: All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Publisher: Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Frequency: 4 times per year

First issue: 2019. Until 2021, the journal was published under the name «Russian Good Journal».

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. EL № FS 77 — 74637 on December 24, 2018

Editorial address: 6 Fedoseenko Str., Saransk 430003, Russian Federation
e-mail: snpractice13@gmail.com;
website: <https://snpractice.ru/>.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Жадунова Н.В., Максимкина О.И., Пахмутова Е.Д.</i> Система ценностных ориентаций молодежи и демографическая политика государства: необходимость перехода от «демографического морализаторства» к политике жизненных возможностей	7
<i>Зимбули А.Е.</i> Память: нравственно значимые аспекты	25

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Федосеев Р.В.</i> Проблема признания культурного геноцида преступлением против мира и безопасности человечества как мера по защите исторической правды	42
<i>Шигуров А.В.</i> Особенности реализации принципа состязательности при осуществлении судебного контроля за производством следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ	54

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

<i>Пестрякова А.А.</i> Содержание и значение криминалистической характеристики мошенничества, совершенного с использованием электронных средств	70
---	----

TABLE OF CONTENTS

PHYLOSOPHICAL SCIENCES

<i>Zhadunova N.V., Maksimkina O.I., Pakhmutova E.D.</i> The System of Youth Value Orientations and Demographic Policy: from “Demographic Moralizing” to a Policy of Life Opportunities	7
<i>Zimbuli A.E.</i> Memory: Morally Significant Aspects	25

LEGAL SCIENCES

<i>Fedoseev R.V.</i> The Problem of Recognizing Cultural Genocide as a Crime Against the Peace and Security of Humanity as a Measure to Protect Historical Truth	42
<i>Shigurov A.V.</i> Specific Features of Implementing the Adversarial Principle in Judicial Control of Investigative Actions under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation	54

LEGAL SCIENCES: YOUNG SCIENTISTS

<i>Pestryakova A.A.</i> The Content and Significance of Criminalistic Characteristics of Fraud Committed by Electronic Means	70
--	----

УДК 314.335.044

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-07-24

Н. В. Жадунова

Научно-исследовательский институт
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия, e-mail: zhadunovan@mail.ru

О. И. Максимкина

Научно-исследовательский институт
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия, e-mail: maximkinaoi@mail.ru

Е. Д. Пахмутова

Научно-исследовательский институт
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия, e-mail: pahmutova@mail.ru

**СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ И
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА:
НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕХОДА ОТ «ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
МОРАЛИЗАТОРСТВА» К ПОЛИТИКЕ ЖИЗНЕННЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

В условиях демографического кризиса ценности семьи и деторождения становятся основой для формирования новых подходов к совершенствованию пронатализма как государственной стратегии, направленной на рост рождаемости. Ценностные ориентации современной молодежи являются своеобразным маркером тех дискурсивных и недискурсивных взаимодействий, которые оказывают существенное влияние на трансформацию института семьи, повышение брачного возраста и возраста рождения детей. Одним из методологических подходов к изучению проблемы является диспозитивный анализ М. Фуко, целью которого является изучение ценностей не как деклараций, а как части системы, в которой воспроизводятся определенные типы общественного дискурса, личного опыта и действий, характеризующие глубинные процессы изменений системы ценностей. Предложенный подход позволяет оценить и трансформировать общественный дискурс о семье и семейных ценностях, найти основания для последовательного и бесшовного перехода от «демографического морализаторства» к политике «жизненных возможностей», нацеленной на позиционирование семьи и детей как эффективного жизненного проекта.

Ключевые слова: ценностные ориентации молодежи, демографическая политика, семейные ценности, диспозитивный анализ, пронатализм.

Ссылка для цитирования: Жадунова Н.В., Максимкина О.И., Пахмутова Е.Д. Система ценностных ориентаций молодежи и демографическая политика государства: необходимость перехода от «демографического морализаторства» к политике жизненных возможностей // Социальные нормы и практики. 2025. № 4. С. 07-24. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-07-24.

N. V. Zhadunova

Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia, e-mail: zhadunovan@mail.ru

O. I. Maksimkina

Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia, e-mail: maximkinaoi@mail.ru

E. D. Pakhmutova

Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia, e-mail: pahmutova@mail.ru

THE SYSTEM OF YOUTH VALUE ORIENTATIONS AND DEMOGRAPHIC POLICY: FROM “DEMOGRAPHIC MORALIZING” TO A POLICY OF LIFE OPPORTUNITIES

In the context of a demographic crisis, family and childbearing values are increasingly central to state pronatalist strategies aimed at influencing fertility patterns. The value orientations of modern youth serve as indicators of discursive and non-discursive interactions that have a significant impact on the transformation of the institution of the family, increasing the age of marriage and the age of childbirth. One of the methodological approaches to studying the problem is M. Foucault’s dispositif analysis (dispositive analysis). Our purpose is to study values not as declarations, but as part of a system in which certain types of public discourse, personal experience and actions are reproduced, characterizing the deep processes of changes in the value system. The proposed approach makes it possible to evaluate and transform the public discourse on family and family values, and to find grounds for a consistent and seamless transition from “demographic moralizing” to a policy of “life opportunities” aimed at positioning family and children as an effective life project.

Keywords: youth value orientations, demographic policy, family values, Foucauldian dispositif analysis, pronatalism.

For citation: Zhadunova N.V., Maksimkina O.I., Pakhmutova E.D. (2025) The System of Youth Value Orientations and Demographic Policy: from “Demographic Moralizing” to a Policy of Life Opportunities. *Social norms and practices*. No. 4. P. 07- 24. DOI: 10.24412/2713- 1033-2025-4-07-24.

Семейные ценности и демографическая политика

В современных условиях доминирования стратегии пронатализма как базовой государственной установки, направленной на восполнение народонаселения, важно понимать, что формирование в обществе положительного образа многодетной многопоколенной семьи обусловлено не только эффективностью социально-экономических мер поддержки, но и ценностно-нормативными установками, которые являются одним из главных элементов устойчивости демографической политики. Именно система ценностных ориентаций, прежде всего, в молодежной среде (семья, брак, дети и многодетность, карьера, профессионализм, самореализация, здоровье) является основным неэкономическим фактором, определяющим репродуктивное поведение и, следовательно, эффективность демографической политики.

Проблема формирования системы ценностей, особенно ценностей семьи и брака, деторождения, репродуктивного здоровья, их функционирования в обществе, является достаточно сложной, поскольку затрагивает сферу частного, личного, зачастую сакрального.

Актуализация ценности семьи, деторождения, детско-родительских отношений, репродуктивного здоровья, обсуждается в категориях долженствования, апелляции к обязательствам перед обществом и государством, что зачастую приводит к негативным последствиям.

В условиях демографического перехода, когда в большинстве развитых стран суммарный коэффициент рождаемости ¹ падает, государства разрабатывают и вводят новые пронаталистские меры, направленные на стимулирование рождаемости.

¹ Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т.е. от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель. Его величина не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данном календарном периоде. Суммарные коэффициенты рождаемости исчисляются как суммы возрастных коэффициентов рождаемости для возрастных групп от 15 до 49 лет. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517#> (дата общения 10.12.2025).

Одним из дискуссионных остается вопрос об изменении ценностных ориентаций граждан фертильного возраста и, прежде всего, молодежи в пользу ценностей традиционной семьи и деторождения. Важность «правильного» формирования системы ценностных ориентаций молодежи подчеркивается тем фактом, что в федеральных стратегических документах вопросам молодежной, семейной и демографической политики уделяется большое внимание.

Так, в Стратегии молодежной политики до 2030 года акцент делается на необходимости формирования ценностей семьи и деторождения, поскольку это прямым образом влияет на решение демографических проблем и нивелирование угроз, вызванных ими. В связи с этим, одной из задач Стратегии является «популяризация и пропаганда ценностей семьи, материнства, отцовства и многодетности, подготовка молодежи к семейной жизни, укрепление семейных традиций и межпоколенческих связей...»¹.

Признание проблемы и важности ее решения предполагает разработку и реализацию мер, которые позволят сформировать семейные ценности: «популяризация института семьи как союза мужчины и женщины в качестве социально успешного компонента общества через интеграцию семейной тематики в продукцию российской медиаиндустрии, индустрии культуры, в социальной рекламе; популяризация среди молодежи образа полной многодетной семьи; создание условий для увеличения числа многодетных семей с тремя и более детьми; повышение уровня социально-правовой информированности в вопросах семьи и брака, психолого-педагогической готовности молодежи к родительству...»².

Акцент на популяризации семейных ценностей, особенно среди молодежи, делается с учетом тенденций современного российского общества – наблюдается трансформация института семьи, повышение брачного возраста, возраста рождения детей.

В Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года отмечается, что «по данным социологических опросов, россияне (67 процентов) считают крепкую семью наиболее важной ценностью. Однако в группе молодежи до 24 лет такого мнения придерживаются только 57 процентов опрошенных. Ценность рождения детей напрямую связана с ценностью брака. Исследования Федеральной службы государственной статистики показывают,

¹ Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://clck.ru/3R59Bw> (дата обращения 12.12.2025).

² Там же.

что молодежь склонна к отдалению регистрации брака и проверке чувств совместным проживанием»¹.

Внимание государства к вопросам своевременного формирования установок на традиционную семью, снижение брачного возраста, поддержку молодых, особенно студенческих, семей проявляется в том числе в законодательном закреплении понятия «студенческая семья» в Федеральном законе от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», ставшем важной новеллой и результатом реализации семейной политики в системе высшего образования 2025 года².

Исследование семейных ценностей в молодежной среде: pro et contra

Анализ ценностных установок молодежи осуществляется большим количеством исследователей, которые выявляют различные факторы, оказывающие существенное влияние как на формирование, так и на их функционирование в личной и профессиональной жизни молодежи [Вепрева, Ицкович, Михайлова, 2023; Рыбакова, Иванова, 2025; Панкратов, 2024; Расторгуев, Сучилина, 2025; Яньшина, 2025], описывают возрастную стереотипизацию ценностей поколений [Цалко, 2024], рассматривают проблему ретрансляции и усвоения ценностей общества как базовую для решения вопроса о поддержании национальной безопасности и сохранении целостности государства и народа [Лобазова, 2024], изучают региональные аспекты дифференциации моделей семейных отношений в современной молодежной среде [Иванишко, 2024].

Существуют различные подходы, большинство из которых направлено на определение факторов, лежащих в основе формирования и развития системы ценностных ориентаций, а также причин, оказывающих существенное влияние на ее изменение.

Так, например, М. В. Финько связывает формирование традиционных ценностей у студенческой молодежи с решением, в первую очередь, задач патриотического воспитания посредством реализации «образовательных программ с четкими критериями эффективности по развитию компетенций в области истории российского государства и основ религии»; а также посредством выявления и диссеминации лучших практик воспитательной работы с молодежью федеральных, региональных, университетских площадок;

¹ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. URL: <https://clck.ru/3QzRNP> (дата обращения 11.12.2025).

² п. 2.1 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1313511771?marker> (дата обращения 12.12.2025).

активизации участия студентов в оценке качества воспитательной деятельности, а также в реализации студенческих проектов и инициатив [Финько, 2024: 15].

Исследование Е.Е. Блиновой, Г.А. Попельчук о многообразии ценностной картины мира студенческой молодежи связано с определением роли гражданской идентичности в ее системе ценностей. Авторы отмечают значение системы образования в процессе передачи и целенаправленного формирования традиционных ценностей, подготовки к инновационной деятельности [Блинова, Попельчук, 2025: 100], а также приходят к выводу о взаимосвязи гражданской идентичности и ценностей студенчества [Блинова, Попельчук, 2025: 106].

Н. А. Селиверстова, Ю. А. Зубок делают обобщение на основании многолетнего исследования, направленного на изучение представлений студенческой молодежи о смыслах образования, а также механизмов социальной саморегуляции жизнедеятельности молодежи, и отмечают следующее: смыслы – центральный элемент социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности, определяющий поведенческие, когнитивные и эмоциональные реакции молодежи на институциональные условия в выборе целей и способов их достижения [Селиверстова, Зубок, 2023: 69]. Авторы обращают внимание на то, что смысловая саморегуляция жизнедеятельности студенческой молодежи крайне чувствительна к изменениям институциональных условий высшей школы и в целом к переменам в социальной реальности [Селиверстова, Зубок, 2023: 64].

Социологический анализ трансформации ценностных ориентаций студенческой молодежи под влиянием цифровизации в различных областях и сферах жизнедеятельности, проведенный А. А. Алексеенком, К. В. Наливайко и К. А. Тиняковым, позволил авторам выделить приверженность молодежи таким ценностям, как: справедливость, беспристрастность, объективность, честность, равенство, законность и истинность, самореализация, потребность в карьерном росте, активная жизненная позиция. Семья и отношения с близкими людьми и друзьями отнесены молодежью к числу первостепенных, что говорит о востребованности тесных, доверительных и крепких связей в их ближайшем окружении [Алексеенок, Наливайко, Тиняков, 2025: 89].

И. С. Глебова, А. А. Воробьев, Р. Р. Хабибрахманова связывают стабильность экономического роста страны и ее экономическое процветание со стабильностью ценностей и указывают на необходимость изучения интересов, склонностей и предпочтений молодежи как основы формирования принципов государственной политики. Исследователи приходят к выводу о существенном влиянии цифровой глобализации на ценности молодых людей, проявляющемся в их унификации [Глебова, Воробьев, Хабибрахманова, 2024: 60]. На основе сравнительного анализа ценностей российской и китайской молодежи авторы делают вывод о том, что молодое поколение россиян демонстрирует тяготение к западным культурным тенденциям: высокий уровень «избегания

неопределенности», склонность ориентироваться на будущее и стремление к индивидуализму [Глебова, Воробьев, Хабибрахманова, 2024: 55].

Понимание общего контекста и ключевых факторов формирования ценностной картины мира современной молодежи, описанных в указанных выше исследованиях, является важным для более глубокого изучения специфики и многообразия условий формирования семейных ценностей российской молодежи.

Так, например, исследуя отношение современной русской молодежи к межэтническим бракам, С. В. Лурье делает вывод о том, что на фоне позитивного отношения к межэтническим бракам более чем 50 % участников исследования проявляют потребительское отношение к семье, считая что она представляет собой «источник комфорта и защиты, удовлетворения их разнообразных потребностей, однако без приложения усилий со своей стороны» [Лурье, 2020: 275-276] Автор указывает на рост ценности семьи как источника комфорта и защиты у молодежи и значительное падение ценности национального [Лурье, 2020].

Место семьи и брака в системе ценностей российского студенчества представлено в монографии «Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия». Авторский коллектив под руководством Т. К. Ростовской, характеризуя различные аспекты создания и функционирования студенческих семей, приходит к выводу о том, что «семья как таковая не является экзистенциальной ценностью студенческой молодежи», и отмечает:

- признаки девальвации зарегистрированного брака как основы семьи;
- восприятие развода как нормального явления;
- обесценивание деторождения как важнейшей функции семьи;
- категорическое неприятие агрессии, подчиненного положения супруги;
- превалирование эгалитарных ценностей в представлениях о семейных обязанностях и обеспечении материального благополучия [Студенческая семья в России, 2024: 116-117].

Ключевым для большинства исследований остается поиск эффективных способов интеграции социально-экономических и политических установок государства и общества в систему ценностных ориентаций молодежи, в том числе посредством СМИ. Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. В. Кучмаева на основе качественного анализа СМИ Тувы предложили включить в число критериев современной молодой семьи ее социальную включенность, предполагающую наличие образования, профессиональную занятость супругов и реализацию ими стратегии ответственного родительства. Авторы выявили ценностные характеристики, объединяющие различные модели современной семьи, транслируемые СМИ: «ориентация на семейный образ жизни, уважение к старшим, ценность труда, сохранение культуры этноса, сочетающаяся с

открытостью культурам других этносов, воспроизводство гармоничных брачных и детско-родительских отношений» [Ростовская, Васильева, Кучмаева, 2025: 57-58].

Указанные выше ценностные характеристики могут эффективно использоваться при реализации информационной политики государства, направленной на формирование культуры семьи и многодетности.

Однако существующие исследования в недостаточной мере описывают все многообразие проблем и вопросов, характеризующих современные процессы возникновения и трансформации семейных ценностей молодежи. За пределами исследовательских интересов остается вопрос том, каким образом возможен эффективный переход от констатации того, что реально ценно для молодежи, и декларативных заявлений о том, что должно быть ценно, к тому как в существующей системе ценностных координат сохранить традиционные семейные ценности и сделать их решающим фактором успешности демографической политики.

Концепт диспозитива Мишеля Фуко как методологическая рамка изучения семейных ценностей

В качестве методологической рамки для анализа системы ценностных ориентаций молодежи, оказывающих взаимовлияние на демографию, может быть применен концепт диспозитива, введенный в методологический оборот Мишелем Фуко. В книге «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» Фуко вводит такой комплексный способ осмысления явлений, который позволят одновременно учитывать и трактовать существующие социальные практики и дискурс, складывающийся вокруг них. Суть концепта диспозитива позволяет переместить акцент при изучении ценностей от отвлеченного вопроса «что для вас ценно» к пониманию того, как ценности материально и практично укоренены в повседневной жизни, проявляются в поступках и коммуникации.

«Что я пытаюсь ухватить под этим именем, – отмечает М. Фуко, – так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также и моральные, и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, – вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами» [Фуко, 1996: 368].

Цель диспозитивного анализа – увидеть ценности не как декларации, а как часть системы, в которой воспроизводятся определенные типы субъектности, опыта и действий. Диспозитив связывает «сказанное» (дискурс) и «сделанное» (практики, артефакты) в контексте соотношения власти, знания и материального.

По мнению М. Фуко, диспозитив выполняет «стратегическую функцию», он позволяет сделать ценности пластичными, подчинить их государственной и экономической необходимости, манипулировать ими, «развернуть их в определенном направлении, либо заблокировать их, либо стабилизировать и использовать их» [Фуко, 1996: 369].

В чем проявляется укорененность диспозитива? Прежде всего это дискурсивные и недискурсивные практики, материальные объекты, социальные институты и группы, которые позволяют визуализировать ценности, их функционирование, их конфликт, поскольку диспозитивы не монолитны, в них есть внутренние напряжения, разрыв между дискурсом и практикой. И в этих разрывах и противоречиях реализуется ценность как доминанта поведения, как основа для принятия решений, осуществления выбора.

Выявление ключевых диспозитивов, формирующих молодежную систему ценностей, и, в частности, ценность семьи, возможно в рамках таких понятий, как успешность, благополучие, комфорт, потребление. Анализ ценности семьи и деторождения через концепт диспозитива позволяет увидеть их не как естественные или вечные данности, а как результат работы сложных мировоззренческих и социальных явлений, которые формируют желания, нормы, страхи и практики, во многом завязанные на сексуальности, хотя и не тождественные ей. «Диспозитив супружества выстраивается вокруг системы правил, определяющих разрешенное и запрещенное, предписанное и незаконное... крепко сочленен с экономикой в силу той роли, которую он может играть в передаче или в обращении богатств... Словом, диспозитив супружества, безусловно, упорядочен гомеостазисом социального тела, гомеостазисом, который этим диспозитивом должен поддерживаться; отсюда – его привилегированная связь с правом; отсюда также тот факт, что его кульминацией является «воспроизводство» [Фуко, 1996: 208].

Это позволяет ответить не на вопросы: «Во что верят люди?», «Что для них ценно?», а на вопросы: «Как, через какие механизмы в человеческом поведении реализуется желание иметь семью, детей»? «Какие факторы – религиозные, социальные, медицинские и другие – в этом задействованы?», «Где и по какой причине возникают сбои и сопротивления?».

В логике М. Фуко, диспозитив «семьи и деторождения» может быть рассмотрен в контексте соотношения влияния таких факторов, как роль социальных и религиозных институтов (церемонии, религиозные обряды, свадебная индустрия), информационное воздействие, дискурсивные (предназначение человека, роль женщины, образ матери, отца и др.) и недискурсивные практики (материнский капитал, сертификаты, налоговые вычеты и др.).

В основе семейных ценностей современного человека лежит все многообразие представлений о семье, браке, детско-родительских отношениях,

роли и функциях государства как институциональной рамки для семьи, напрямую в ней заинтересованной.

В ценности семьи и деторождения как желаемой и нормативной для современного общества определяющими являются образы «правильной» семьи (разнополые родители, наличие бабушек и дедушек, количество, возраст, пол детей), ее ответственная подготовка к зачатию, рождению, воспитанию детей, готовность уделять внимание развитию и становлению личности ребенка. Разрывы, «точки напряжения» возникают здесь, поскольку человек живет не только в семье, существенное влияние оказывают общественные нормы и стереотипы. Какие бы семейные установки ни формировало общество, пропагандируя многодетную, многопоколенную семью, оно также нуждается в лидерах, профессионалах, социально активных людях, которые стремятся к самореализации, карьерному росту, материальному благополучию, комфорту. Семейные ценности входят в противоречие с утилитарными: диспозитив «карьеры и самореализации» (требующий адаптивности, профессионализма, непрерывности образования, инвестиций в себя) и диспозитив «семьи» (требующий заботы, инклюзивности, инвестиций в других).

Подтверждением вышесказанному служат результаты исследований ценностных установок студенческой молодежи, в том числе установок на брак и деторождение, проведенных отечественными учеными за последние три года. Выявлены существенные противоречия в том, что декларируют молодые люди и как действуют на практике.

Среди них – исследование представлений о смысле жизни у современной российской молодежи А. Ф. Нагайчук, Н. Е. Богатырева и Н. П. Ворончихина, подтверждающее, что наиболее выраженной значимой ценностью для абсолютного большинства респондентов является ценность семьи, семейные ценности (выражена более чем у 73% опрошенных студентов); кроме того, эта ценность примерно с одинаковой частотностью встречается и в качестве значимой духовной, и в качестве значимой социальной ценности [Нагайчук, Богатырев, Ворончихина, 2024: 154].

А. В. Галухин формулирует причины неоднозначного отношения молодежи к таким традиционным духовно-нравственным ценностям, как коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Среди них:

- дискредитация стратегии жизненного выбора на основе регулятивных аксиологических идеализаций;
- ориентация на инновации, подстегиваемая стереотипами против ограничений традиционализма;

– отход от национально-культурных традиций, обусловленный недооценкой значимости исторического опыта и недостаточным знанием истории страны;

– несоотнесенность отдельных категорий традиционных ценностей с рациональной мотивацией социального действия и нормами общественных отношений [Галухин, 2024: 67].

О полярности суждений студентов в отношении гуманизма, порядочности, гордости за свою страну, чувства долга и дружбы, а также приоритете семьи, здоровья, образования и работы в системе их ценностных ориентаций пишут также Ж. В. Жираткова, Т. Э. Петрова, С. И. Янин [Жираткова, Петрова, Янин, 2024: 134].

Эмпирическое исследование К. Н. Павловой показало, что доминирующими ценностями студенческой молодежи являются стимуляция, достижения, универсализм, власть. Для большинства молодых людей при вступлении в брак на первом месте стоит необходимость обеспечить себя финансово и сначала достичь профессиональных успехов, также все больше обсуждается вопрос о нежелании иметь детей. Факторами, влияющими на изменение иерархии ценностей, являются образование, социальное окружение, возраст, доход [Павлова, 2024: 411].

Социологическое исследование Н. В. Розенберг, Ю. Л. Афанасьевой также свидетельствует о том, что семья остается важной жизненной ценностью современной молодежи, однако ее значимость соперничает с такими целевыми установками, как стремление к материальной стабильности и карьерные амбиции. С одной стороны, наблюдаются тенденции, направленные на формирование индивидуализма, с другой – высокая значимость стабильных межличностных связей и эмоционального благополучия [Розенберг, Афанасьева, 2025].

Выводы ученых о высокой оценке института семьи современной молодежью и осознании высокой степени личной ответственности за реализацию социальных функций в браке подтверждает также исследование О. В. Бессчетновой. Она полагает, что матримониальные и репродуктивные установки молодежи зависят от разнообразных факторов, таких как: глобальные кризисы, социокультурные и экономические факторы, цифровая среда и социальные сети [Бессчетнова, 2025: 28].

Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова и О. Н. Калачикова указывают на значительную неоднородность суждений студенческой молодежи относительно разрешения дилеммы «соответствовать современным стандартам качества жизни или вступить в брак?» и отмечают интеграцию традиционных патриархальных и эгалитарных сюжетов в представлениях о мотивах заключения брака или отказа от него [Ростовская, Шабунова, Калачикова, 2023: 40].

Аналогичные данные находим в работе И.С. Глебовой, А.А. Воробьева, Р.Р. Хабибрахмановой: 24,5% респондентов выразили готовность жертвовать карьерой ради личной жизни, 23% российской молодежи «не готовы жертвовать карьерой ради личной жизни», а 33,9% занимают нейтральную позицию в данном вопросе [Глебова, Воробьев, Хабибрахманова, 2024: 55].

О. В. Бессчетнова, Э. К. Наберушкина и О. А. Судоргин видят причины откладывания на более поздние сроки официального брака и рождения первого ребенка не в снижении ценности семьи и родительства и не в инфантилизме, консюмеризме и безответственности современной молодежи, а в дисфункции социальных институтов, оказывающих деструктивное влияние на семейные и репродуктивные установки молодежи, вынуждающей делать выбор в пользу материального благополучия и карьерных возможностей, а не в пользу семьи и деторождения [Бессчетнова, Наберушкина, Судоргин, 2024].

Безусловно, в иерархии ценностей современной российской молодежи семья занимает значимое место, но эта значимость характеризуется «отсроченностью»: человек стремится реализовать себя, обеспечить тот уровень достижений, который считает приемлемым и значимым. Именно поэтому возникают альтернативные дискурсы – сознательная бездетность, малодетность как гарантия высокого уровня жизни, привычного комфортного и размеренного течения жизни.

Другой стороной диспозитива является позиционирование семьи и деторождения как личного достижения, источника счастья, расширения границ реализации. В этом случае семья и деторождение становятся не безоговорочным долгом, а индивидуальным рефлексивным проектом с качественными результатами.

Анализировать сформированность этой ценности, ее динамику возможно на контрасте: диспозитив пронатализма и диспозитив личного успеха, свободы, заботы о себе; дискурсы о материнстве и отцовстве или бездетности («Я еще не готов», «Хочу дать ребенку все», «Боюсь потерять себя», «Хочу быть мамой») и практики подсчета материальной, психологической, физической, духовной целесообразности родительства.

Подобный анализ демонстрирует не абстрактную ценность семьи, детей, а конкретную ситуацию, когда меры государственной поддержки, демографическая политика в должной мере не обеспечивают уверенность в будущем, а дискурс самореализации заставляет переосмысливать родительство как один из множества жизненных проектов.

От «демографического морализаторства» к политике жизненных возможностей

Таким образом, диспозитивный анализ позволяет рассмотреть современные ценности семьи и деторождения в контексте противоречий

дискурсивных и недискурсивных практик, характеризующих столкновение между личным и общественным благом, предпочтениями и долженствованием. Именно диспозитивный подход к осмыслению ценностей позволяет перевести взаимодействие семьи и государства из плоскости догматической в дискурсивную, когда государственная необходимость становится фундаментом для разработки новых подходов и механизмов к формированию устойчивых ценностных ориентаций, дающих ответ на вопросы:

– как формировать ценности, какие условия окажут существенное влияние на молодежь как наиболее пластичную часть общества?

– как мода на «Я» может смениться модой на «Мы»?

– как личные устойчивые ценности, определяющие жизненные приоритеты людей и отражающие идеалы и цели, к которым стремится человек, могут стать общественным приоритетом, базовым для демографической политики?

Предложенный подход позволяет изменить общественный дискурс и перейти от «демографического морализаторства» к политике жизненных возможностей, которая будет учитывать ключевые тенденции современного общества и способствовать эффективности демографических решений.

Список литературы (References)

1. Алексеенок А.А., Наливайко К.В., Тиняков К.А. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровизации: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 78-92. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-1-78-92.

Alekseyenok A.A., Nalivaiko K.V., Tinyakov K.A. (2025) Transformation of student's value orientations in the context of Digitalization: a sociological analysis. *Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences*. No. 1. P. 78-92. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-1-78-92. (In Russ.).

2. Бессчетнова О.В. Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 2. С. 17-31.

Besschetnova O.V. (2025) Family values and modern students reproductive attitudes: giving birth cannot be postponed. *Management Issues*, Vol. 19. No. 2. P. 17-31. (In Russ.).

3. Бессчетнова О.В., Наберушкина Э.К., Судоргин О.А. Аксиологическая оценка влияния социальных институтов на семейные аттитюды городской и сельской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10. С. 17-25. DOI: 10.24158/tipor.2024.10.1.

Besschetnova O.V., Naberushkina E.K., Sudorgin O.A. (2024) Axiological Assessment of the Influence of Social Institutions on Family Attitudes of Urban and Rural Youth. *Theory and Practice of Social Development*. No. 10. P. 17-25. doi:10.24158/tipor.2024.10.1. (In Russ.).

4. Блинова Е.Е., Попельчук Г.А. Гражданская идентичность в системе ценностей современной молодежи (на примере университетов новых регионов Российской Федерации) // Психолого-педагогический поиск. 2025. № 3 (75). С. 98-109. DOI: 10.37724/RSU.2025.75.3.009.

Blinova O.E., Popelchuk G.A. (2025) Civic identity in the value system of modern youth (based on universities in the new regions of the Russian Federation). *Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal*. No. 3 (75). P. 98-109. DOI: 10.37724/RSU.2025.75.3.009. (In Russ.).

5. Вепрева И.Т., Ицкович Т.В., Михайлова О.А. Система ценностей современного студенчества: от семейного благополучия до самореализации // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 1. С. 277-288. DOI: 10.15826/qr.2023.1.789.

Vepreva I.T., Itskovich T.V., Mikhailova O.A. (2023) The Value System of Today's Students: From Family Well-Being to Self-Realisation. *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 1. P. 277-288. DOI: 10.15826/qr.2023.1.789. (In Russ.).

6. Галухин А.В. Проблема структурирования культурно-аксиологических горизонтов формирования духовно-нравственной общности студенческой молодежи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 6А. С. 50-72.

Galukhin A.V. (2024) The problem of structuring cultural and axiological frameworks for the formation of spiritual and moral community of student youth. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. Vol.13. No. 6A. P. 50-72. (In Russ.).

7. Глебова И.С., Воробьев А.А., Хабибрахманова Р.Р. Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая: мифы и реалии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1 (64). С. 51-61. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.51-61>.

Glebova I.S., Vorobyov A.A., Khabibrakhmanova R.R. (2024) Modern values of generation Z in a comparative analysis of the youth of Russia and China: myths and realities. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. No. 1 (64). P. 51-61. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.51-61>. (In Russ.).

8. Жираткова Ж.В., Петрова Т.Э., Янин С.И. Ценностные ориентации студентов: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 126-136. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-126-136.

Zhiratkova Zh.V., Petrova T.E., Ianin S.I. (2024) Research into students' value orientations. A comparative analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. Vol. 4. P. 126-136. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-126-136. (In Russ.).

9. Иванишко А.М. Дифференциация моделей семейных отношений в современной молодежной среде (на примере Пензенской области): дис. канд. социол. наук. Пенза, 2024.

Ivanishko A.M. (2024) Differentiation of family relations models in the modern youth environment (on the example of the Penza region). Thesis on competition of a scientific degree of Candidate of Sociological Sciences. Penza. (In Russ.).

10. Лобазова О.Ф., Егурнов Ф.Д. Нравственные идеалы православия и современная российская молодежь // Социальная политика и социология. 2025. Т. 24. № 2 (155). С. 157-163. DOI: 10.17922/2071-3665-2025-24-2-157-163.

Lobazova O.F., Egunov F.D. (2025). Moral Ideals of Orthodoxy and Modern Russian Youth. *Social Policy and Sociology*. Vol. 24. No. 2. P. 157-163. DOI: 10.17922/2071-3665-2025-24-2-157-163. (In Russ.).

11. Лурье С.В. Межэтнические браки в контексте мировоззрения современной русской молодежи: ценности семейного и национального, частного и общественного // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 1. Ч. 2. С. 275-294. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-275-294.

Lourie S. (2020) Interethnic Marriages in the Context of the World View of Modern Russian Youth: Family and Nation Values, Private and Public Life. *Ideas and Ideals*. Vol. 12. Issue 1. Part 2. P. 275-294. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-275-294. (In Russ.).

12. Нагайчук А.Ф., Богатырев Н.Е., Ворончихин Н.П. Ценностно-мировоззренческий конфликт и представления о смысле жизни у современной российской молодежи (на примере студентов Горного университета) // Конфликтология. 2024. Т. 19. № 1. С. 146-166. DOI: 10.31312/2310-6085-2024-19-1-146-166.

Nagaichuk A.F., Bogatyrev N.E., Voronchikhin N.P. (2024) Value-worldview conflict and beliefs about the meaning of life among modern Russian youth (on the example of students of the Mining University). *Conflictology*. Vol. 19. No. 1. P. 146-166. DOI: 10.31312/2310-6085-2024-19-1-146-166. (In Russ.).

13. Павлова К.Н. Иерархия ценностных ориентаций студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 3. С. 402-416. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-3-506.

Pavlova K.N. (2024) The Hierarchy of Value Orientations of Students. *Russian Journal of Education and Psychology*. Vol. 15. No. 3. P. 402-416. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-3-506. (In Russ.).

14. Панкратов С.А. Семейные ценности и традиции гражданской активности молодежи в политико-правовом пространстве современной России // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 7-15.

Pankratov S.A. (2024) Family values and traditions of Civic Engagement of young people in the Political and legal space of modern Russia. *Paradigms of Management, Economics and Law*. No. 3 (13). P. 7-15. (In Russ.).

15. Расторгуев С.В., Сучилина А.А. Исследования ценностного ядра современной Российской молодежи // Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 198-204. DOI 10.24412/2071-5358-2025-1-198-204.

Rastorguev S.V., Suchilina A.A. (2025) Research of the value core of modern Russian youth. *Vlast'*. Vol. 33. No. 1. P. 198-204. DOI 10.24412/2071-5358-2025-1-198-204. (In Russ.).

16. Розенберг Н.В., Афанасьева Ю.Л. Образ жизни современной молодежи: приоритеты, ценности и практики // Электронный научный журнал

«Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13. № 3. С. 134-147. DOI: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-13.

Rozenberg N.V., Afanasyeva Yu.L. (2025) The lifestyle of modern youth: priorities, values, and practices. *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. No. 13 (3). P. 134-147. DOI: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-13. (In Russ.).

17. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Кучмаева О.В. Модели семей и семейные ценности в дискурсе СМИ Тувы // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 48-62. DOI 10.25178/nit.2025.1.4.

Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N., Kuchmaeva O.V. (2025) Family models and family values in Tuva media discourse. *New Research of Tuva*. No. 1. P. 48-62. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.4>. (In Russ.).

18. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31-42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3.

Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Kalachikova O.N. (2023) Marriage and family conceptions of student youth: according to the results of the author's study. *Woman in Russian society*. No. 3. P. 31-42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3. (In Russ.).

19. Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Ценности студенческой молодежи в контексте национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. С. 17-23. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.1.

Rybakova M.V., Ivanova N.A. (2025) Values of Student Youth in the Context of National Security. *Theory and Practice of Social Development*. No. 2. P. 17-23. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.1. (In Russ.).

20. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 44-69. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.3.

Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. (2023) Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 11. No. 1. P. 44-69. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.3. (In Russ.).

21. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография / Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева, О.Н. Калачикова [и др.]. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024.

Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N., Kalachikova O.N., et al. Student family in Russia: barriers and opportunities of well-being (2024). Ivanovo: Ivanovo State University Publ. (In Russ.).

22. Финько М.В. Традиционные ценности в системе координат современной российской молодежи // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. № 10 (4). С. 12-17. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-12-17.

Finko M.V. (2024) Traditional Values in the Coordinate System of Modern Russian Youth. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. No. 10 (4). P.12-17. DOI:10.23947/2414-1143-2024-10-4-12-17. (In Russ.).

23. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

Foucault M. (1996) *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality*. Selected Works. Moscow: Castal Publ. (In Russ.).

24. Цалко Е.О. Возрастная стереотипизация ценностей поколений // *PolitBook*. 2024. № 3. С. 83-95. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-83-95.

Tsalko E.O. (2024) Age Stereotyping of Values of Generations. *PolitBook*. No. 3. P. 83-95. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-83-95. (In Russ.).

25. Яньшина И.В. Особенности ценностных и смысложизненных ориентаций студенческой молодежи (студентов дипломатической академии МИД России) // *Обзор педагогических исследований*. 2025. Т. 7. № 7. С. 117-122.

Yanshina I.V. (2025) Features of value and meaning-life orientations of student youth (students of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia). *Review of Pedagogical Research*. Vol. 7. No. 7. P. 117-122. (In Russ.).

Сведения об авторах

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, главный научный сотрудник – заведующий отделом социально значимых проектов и инициатив Научно-исследовательского института при Правительстве Республики Мордовия. Сфера научных интересов: теоретическая и прикладная этика, социальная философия, демография. Автор более 90 научных и учебно-методических работ.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Максимкина Ольга Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социально значимых проектов и инициатив Научно-исследовательского института при Правительстве Республики Мордовия. Сфера научных интересов: профессиональная компетентность педагога, демография. Автор более 70 научных и учебно-методических работ.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2813-1561>

E-mail: maximkinaoi@mail.ru

Елена Даниловна Пахмутова – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социально значимых проектов и инициатив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, демография. Автор более 80 научных и учебно-методических работ.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-4778>

E-mail: pahmutova@mail.ru

About the authors

Zhadunova Natalia Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of socially significant projects and initiatives, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. Research interests: theoretical and applied ethics, social philosophy and demography. Author of more than 90 scientific and educational publications.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>

E-mail: _zhadunovan@mail.ru

Maksimkina Ol`ga Ivanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of socially significant projects and initiatives, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. Research interests: professional competence of the teacher and demography. Author of more than 70 scientific and educational publications.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2813-1561>

E-mail: maximkinaoi@mail.ru

Pakhmutova Elena Danilovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of socially significant projects and initiatives, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. Research interests: intercultural communication and demography. Author of more than 80 scientific and educational publications.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-4778>

E-mail: pahmutova@mail.ru

Поступила 12.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

Submitted 12.12.2025; revised 30.12.2025; accepted 30.12.2025.

УДК 179

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-25-41

А. Е. Зимбули

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zimbuli@yandex.ru

ПАМЯТЬ: ПРАВСТВЕННО ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ

Текст статьи посвящен нравственно-значимым аспектам памяти. Хотя в справочно-философских источниках понятие «память» не выделено среди ведущих – термины «патриотизм», «пессимизм», «поведение», «профессиональная этика» более явно сопрягаются с основной проблематикой этической науки – тем не менее очевидно и то, что памятьливость или забывчивость неспроста подвергается нравственной оценке. То, какая у нас память и как мы ею пользуемся, в значительной степени характеризует нас как нравственных субъектов. Автор выделяет ключевые компоненты ситуации, в которой срабатывает память, и применительно к каждому из указанных компонентов называет основные нравственно значимые аспекты, высказывая надежду, что от нас самих в решающей степени зависит то, станет ли память бременем или инструментом созидания.

Ключевые слова: память, субъект, предмет, обстоятельства, мотив, переживания, осмысление, усилия, результат, отношение.

Ссылка для цитирования: Зимбули А.Е. Память: нравственно значимые аспекты // Социальные нормы и практики. 2025. № 4. С. 25-41. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-25-41.

A. E. Zimbuli

Herzen State Pedagogical University of Russia
 St. Petersburg, Russia, e-mail: zimbuli@yandex.ru

MEMORY: MORALLY SIGNIFICANT ASPECTS

The article examines the morally significant aspects of memory. Although “memory” is not singled out as a central concept in many reference and philosophical works — with terms such as patriotism, pessimism, behavior, and professional ethics more closely associated with the core problems of ethics — it is evident that memoryfulness and forgetfulness are subject to moral assessment. The way we use our memory is a significant part of what makes us moral beings. The author identifies key components of the memory-related context and highlights the main moral aspects of

each component, emphasizing that it is ultimately up to us to decide whether memory becomes a burden or a tool for creation.

Keywords: memory, subject, object, memory-related circumstances, motive, experience, comprehension, efforts, outcome, attitude.

For citation: Zimbuli A.E. (2025) Memory: Morally Significant Aspects. *Social norms and practices*. No. 4. P. 25-41. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-25-41.

Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто
забудет – тому два.

Русская народная пословица

Memento mori (лат. – помни о смерти)¹

На память, слава Богу, не жалеюсь:
лишнего не держит.

А.Е. Зимбули

Введение

Ну что бы мы – люди – делали без памяти! Разве личная жизнь, общение с близкими родными, дальними соседями, с учителями и соучениками, с коллегами и конкурентами, разве вся наша общечеловеческая культура могли бы существовать без опоры на прошлое, сохраняемое при помощи «серых клеточек»? Каждый конкретный язык с набором слов, падежами-спряжениями-склонениями, знаками препинания, – это выразительнейшая иллюстрация того, на какие чудеса способна память. Тогда как «короткая память», «провалы в памяти», склероз – признаки явной слабости, ограниченности, нежизнеспособности, и вряд ли кто-то усомнится в необходимости подобных слабостей избегать и нужный ресурс сберечь-укреплять. Однако нас не удивляет, что многое в нашей жизни далеко от однозначности. Люди изобрели способы добывать огонь – и появились поджигатели. Стали грамотными – и кто-то принялся писать доносы-поклепы. Возникает медицина – и рядом с нею, а то и внутри нее множатся самые разные умельцы разбогатеть, пользуясь чужой болью и доверчивостью. Изобретения в области физики, химии кто-то ставит на службу человечеству, а кто-то исхитряется оборачивать во зло людям. Так что было бы странным, если бы подобная неоднозначность не распространялась на память. Ну кто не слышал полушутливого выражения «Меньше знаешь – крепче спишь»? Возникло оно явно не на пустом месте. Про обильную память могу

¹ Форма приветствия монахов-траппистов, напоминающая о скоротечности-бренности жизни [Словарь латинских крылатых слов, 1982: 441-442].

привести хотя бы два невыдуманных примера. На одном из трудно поддающихся подсчету курсов повышения квалификации в группе со мной учился статный земляк с энциклопедической памятью. Но беда его памяти заключалась в том, что помнить-то нужное он помнил, однако извлечь нужную информацию ему частенько доводилось уже после нужного момента. Обычно – уже на следующем занятии, когда предыдущий сюжет становился неактуальным. Другой пример – с моим одноклассником. Игорь Л., как это тогда формулировалось, «без пяти минут отличник», имел редкие способности к языкам, истории, географии, музыке. Но – способность запоминать не тождественна способности управлять собранной информацией. Уже спустя несколько лет после окончания школы он однажды позвонил мне и посетовал, что идет по улице нашего любимого города, и вспоминает – в каком доме какие жили знаменитости, как их жизни хитроумно пересекались. А вот с мыслями на тему диплома ну никак не собраться. То есть – в подобном случае память оказывается не ресурсом, а бременем, отвлекающей помехой. Это тоже нужно брать в расчет, когда мы принимаемся рассуждать о памяти. Впрочем, в заголовке, предпосланном моему тексту, не просто означена противоречивость памяти, а упомянуты ее нравственно значимые аспекты. Нравственно значимое – касается таких, например, сюжетов, как уважение / высокомерие, сострадание / злорадство, честность / лживость, ответственность / беспечность, справедливость / несправедливость, гуманность / жестокость, отвага / трусость, щедрость / жадность, трудолюбие / праздность. Чувствуете специфику? Нужно будет, стало быть, главным образом фокусировать размышления на этой тематике.

Понятия памяти

Современные словари дают такую основную трактовку понятия «память»: «Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта»¹.

Психологи весьма четко и доходчиво определяют память как «дар или способность, благодаря которой можно вызвать, обдумать либо описать предыдущий опыт в настоящее время» [Психологическая энциклопедия, 2003: 540].

И у филологов, и у психологов упор на положительное или негативное нравственное значение памяти не прослеживается. И действительно, запас впечатлений и жизненный опыт могут иметься как у человека порядочного, так и у какого-нибудь профессионального вора-домушника, у интернет-мошенника.

Хотя уже в библейские времена память о чем-либо или ком-либо значимом была людям вполне знакома – кого-то уважаемого и важные события старались

¹ Память // Толковый Словарь Русского Языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/21750/> (дата обращения 03.10.2025).

помянуть добрым словом (например, Исх. 12:14; Лев. 2:9; 2 Цар. 18:18; Есф. 9:28; Мф. 26:13), а людей недостойных и негативные события стремились предать забвению (например, Исх. 17:14; Втор. 25:19; Ис. 26:14; Иов 18:17 Пс. 33:17). Кстати, в Библии многократно говорится про Память, Памятники, но еще нет слов «Забывчивость» и «Злопамятность».

Если же обращаться не к истории как таковой, а к истории мысли, то уже Аристотель, заложивший, как известно, фундамент философской науки этики, конечно же, высказывал в своих рассуждениях интереснейшие мысли и про память. Но уж так получилось, что он мыслил масштабно, и в трактате «О памяти и припоминании» [Аристотель, 2005] его внимание привлекало преимущественно сопоставление знания о прошлом со знанием о настоящем, о будущем; он размышлял, можно сказать, о логике и онтологии. Его наблюдения об ощущениях, осознании, сравнении, обучении, исследовании, извлечении, восстановлении, безусловно глубоки и актуальны. А в «Никомаховой этике» [Аристотель, 1983] античный автор задавался общими вопросами о добре-зле, мужестве-трусости, щедрости-скупости, добродетели и пороке, и даже упоминая слово «память», он вовсе не задавался целью конкретно в эту самую память всмотреться с этической стороны. Спасибо, оставил возможность заняться этим последователям.

Подобным образом, можно сказать, действовали и многие-многие его преемники-философы, включая авторов-составителей «Новой философской энциклопедии» [Новая философская энциклопедия, 2010], которая не имеет даже коротенькой статьи про память. Нет специальных статей про память ни в «Словаре по этике» [Словарь по этике, 1989], ни в издании «Этика: Энциклопедический словарь» [Этика: Энциклопедический словарь, 2001]. Правда, нужно обязательно отдельно назвать имя Августина. Его «Исповедь» [Августин, 1991] уже самим жанром предполагает обращение к пересказу и к самооценке собственного жизненного опыта. Нисколько не удивлюсь, если где-то уже есть тексты филологов, психологов, этиков про то, как понимал-объяснял в этом труде Августин человеческую память. Мне пока эти специальные исследования не встречались, и в теперешней ситуации могу лишь констатировать факт весьма внимательного-трезвого-самокритичного обращения Августина к данной способности души. Он прямо пишет: «Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам» [Августин, 1991: 253]. Выскажу самоочевидное: написание и обнародование текста «Исповеди» можно рассматривать как очень плодотворный итог всматривания-вдумывания автора в свою душу, свою память, в свою жизнь и в природу человека вообще. Но сейчас, повторяюсь, своей задачей я вижу не изучение наследия Августина, а тему, заявленную в заглавии, и потому – делаю поклон в адрес Августина и перехожу к предъявлению свидетельства того, что тема памяти в силу своей безусловной

важности находила отражение В ПОСЛОВИЦАХ РАЗНЫХ НАРОДОВ.

Бочка пахнет тем, что в ней было в первый раз (английская) [Гварджаладзе, Мчедlishвили, 1971: 61] (наблюдение, так сказать, о достоинствах и дефектах воспитания).

Вежливости учишься у грубияна (уйгурская) [Уйгурские пословицы, 1981: 25] (очень полезный совет, его можно сопоставить с русской пословицей: Знай край, да не падай).

Даже выдающийся ум гибнет у бедняка, вечно думающего о том, как бы достать масло, соль, сезам, одежду, топливо (индийская) [Древнеиндийские афоризмы, 1966: 60] (очень тонкий момент меры между крайностями абсолютной беззаботности – и озабоченности по поводу самых серьезных достойных ценностей).

Даже хорошему наезднику нужно помнить, что с коня можно упасть (китайская) [Сад камней, 2005: 13] (и в самом цивилизованном населенном пункте, подходя к перекрестку, нужно смотреть не просто на светофор, но и налево-направо, а также быть готовым действовать по обстоятельствам. Светофор иногда выходит из строя).

Добрый человек и малому подарку будет рад, завистливый же и за огромную гору золота спасибо не скажет (китайская) [Сад камней, 2005: 18] (при всей естественности-самопроизвольности запоминания человеку нужна и трезвая самооценка, с готовностью оценки, подсказываемые памятью, корректировать).

Ел пил – пусть в прок пойдет, расскажи, что видел (греческая) [Чакалов, 1997: 197] (застолье у самых разных народов ценится не столько угощениями, сколько обменом жизненными наблюдениями).

Если однажды по канаве текла вода, потечет и второй раз (армянская) [Армянский фольклор, 1979: 229] (у того, что мы называем человеческой памятью, есть более глубокие онтологические основания).

Если родители десять раз вспомнят [о детях], то дети [о них] – один раз (корейская) [Корейские народные изречения, 1982: 250] (с этим ничего не поделаешь, душой привязываешься больше не к тому, что получаешь, а к тому, что делаешь сам. Среди русских пословиц тоже есть близкая: Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери).

Заика не годится для речей, а вор – в сторожа (уйгурская) [Уйгурские пословицы, 1981: 33] (а вот не все так просто. Про Демосфена известно, что он именно из заики сумел стать великим оратором. Могу допустить, что из человека с криминальным прошлым как раз может получиться особенно полезный сотрудник для правоохранительных органов).

Каргана (*кустарник или невысокие деревья* – А.З.) разгорится – не потухнет, дурак разойдется – забудет, как его и звать (монгольская) [Монгольские народные пословицы, 1962: 85] (память для надежной работы

требует соблюдения вполне определенного психофизиологического режима, это отдельная тема).

Лучше «У меня есть осел», чем «У моего отца были верблюды» (сомалийская) [Сомалийские пословицы, 1983: 237] (эту мысль следовало бы принимать в расчет тем людям, которые норовят кичиться своими предками. К чужим заслугам негоже примазываться).

Любовь труса – недолговечна (абхазская) [Пословицы абхазского народа, 1994: 30] (у человека с короткой памятью или продажного, увы, недолговечны обещание, уважение, верность).

Лягушка не помнит, что когда-то она была головастиком (корейская) [Корейские народные изречения, 1982: 103] (у человека, даже очень порядочного, говорят специалисты, иногда случается кризис роста, и во время этого переключения вправду новый жизненный опыт становится гораздо важнее-актуальнее старого).

Много знаешь – меньше говори (армянская) [Армянский фольклор, 1979: 254] (ну – не так уж буквально надо понимать этот совет. Молчащий учитель многому ли научит своих учеников?).

На доброе добром каждый сможет ответить, на плохое добром – только настоящий человек (курдская) [Курдские пословицы, 1972: 57] (и дело тут не в забывчивости, а в исходной доброжелательности, благоволении).

Не делай никому зла – и тебе его не сделают (афганская) [Афганские народные пословицы, 1961: 44] (увы, не все столь однозначно. Осмотрительность не помешает, это я лично узнал после того, как однажды, много лет назад, у меня в трамвае из заднего кармана брюк вытащили кошелек).

Плох тот хозяин, который вспоминает о слугах лишь в час нужды (индийская) [Древнеиндийские афоризмы, 1966: 55] (очень созвучный-универсальный-мудрый совет руководителям высказывал Сильвестр в «Домострое»: будь «грозен и любовен» [Домострой, 1992: 106]).

Плохому научиться легко, но трудно от него отвыкнуть; хорошему научиться трудно, а отвыкнуть легко (монгольская) [Монгольские народные пословицы, 1962: 81] (да, при управлении памятью нужно учитывать эти тонкости, с ее избирательностью и своенравием).

Принимаясь за большое дело, помни о мелочах (японская) [Японские народные пословицы, 1959: 48] (у русских тоже есть подобного рода наблюдения, типа: От копеечной свечи вся Москва сгорела).

Рана зарастет, да рубец останется (сербская) [Сказки, пословицы и песни, 1962: 153] (хорошо, если люди научиваются даже боль-потерю-обиду переплавлять в позитивный опыт, а не в мстительность).

Рана, нанесенная словом, глубже раны, нанесенной мечом (курдская) [Курдские пословицы, 1972: 68] (причем имеют место долговечность вреда, нанесенного как публично, так и наедине).

Сделал доброе дело – молчи, пускай говорят другие (сербская) [Сказки, пословицы и песни, 1962: 154] (да, хотя запомненный жизненный опыт очень даже нуждается в осмысленном применении и обнародовании, не нужно вставать на путь хвастуна и нытика).

Сердце, не знавшее печали, остается холодным (финская) [Финские народные пословицы, 1962: 28] (конечно же, жизненный опыт приобретается не только в такой жизни, которая медом кажется).

Старость забывчива, юность неопытна (японская) [Сад камней, 2005: 196] (разумеется, в каждом возрасте есть свои сильные и слабые стороны, их нужно учитывать).

Страх – источник пороков (абхазская) [Пословицы абхазского народа, 1994: 31] (не только страх. Но и, например, лень, жадность, зависть, забывчивость).

Там, где есть герои, земля цветет (афганская) [Афганские народные пословицы, 1961: 40] (очень важная мысль – ведь есть герои битв и герои труда. И для процветания общества нужны как те, так и другие).

У лжеца дом сгорел – никто не поверил (греческая) [Чакалов, 1997: 193] (мы, несомненно, в ответе за тот наш образ, который складывается в глазах окружающих).

Хуже всех тот, кто не признает родни и не слушает совета (сомалийская) [Сомалийские пословицы, 1983: 204] (нарочитая независимость, бунтарство, робинзонада, если ничего позитивного не выдвигают, малополезны и самим бунтарям, и окружающим).

Что потеряно, то потеряно (английская) [Гварджаладзе, Мчедлишвили, 1971: 74] (а вот не очень соглашусь. Потерянное – может подсказывать на будущее способы больше не терять. Забытое – может быть или вспомнено, или снова, более надежно запомнено).

Яйцо подарит, а курицу возьмет (финская) [Финские народные пословицы, 1962: 13] (поговорка о таких людях, чьими поступками руководят не отзывчивость, а расчет + готовность попрекать. К сожалению, такие встречаются и индивиды, и групповые субъекты).

Можно привести и чуток русских пословиц про память.

Не будь грамотен, будь памятен! (сдается мне, этот совет одобрил бы Сократ, который сам и жил, и говорил не по писаному).

Тому тяжело, кто помнит зло (видимо, речь идет не о зле, причиненном кому-то другому, а о собственных понесенных обидах).

Брюхо – злодей: старого добра не помнит (согласитесь, в этом отношении как не помнящее старого добра брюхо разумнее тех, кто держит в голове исключительно гастрономические жизненные впечатления).

Кто ест и читает, память зачитает (народное наблюдение было сделано задолго до самых уподобленных физиологических исследований, не

советующих смешивать эти два специфических занятия, а уважительно-внимательно заниматься ими раздельно) [Даль, 1998: 221-222].

Память: нравственное измерение

Думается, примеров уже достаточно для того, чтобы убедиться в значимости и разноплановости избранной темы. Как бы память ни проявлялась – узнаем ли что бы то ни было ранее виденное, пытаемся вызубрить заданные к экзамену формулировки, воспроизводим в беседе какие-то важные недавние впечатления, насвистываем понравившуюся мелодию, советуем малым детям: «пожалуйста, заруби на носу», «намотай на ус», слышим от начальства: «обязательно возьмите на заметку», «спрос будет строгий» – в любом случае речь идет о том, чем призвана заниматься память: фиксацией и воспроизведением информации. И для того, чтобы всмотреться в значимые нравственные аспекты работы памяти, будет полезно обозначить такие ключевые компоненты рассматриваемой ситуации: *СУБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, МОТИВ, ПЕРЕЖИВАНИЯ, ОСМЫСЛЕНИЕ, УСИЛИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ к данному результату*. Посмотрим, хотя бы вкратце, на каждый из этих компонентов.

СУБЪЕКТ – в контексте наших рассуждений – это не берестяные грамоты и не флешка, не выдрессированная собака-поводырь и не кошка, участвующая в цирковых номерах, ЭТО – ЧЕЛОВЕК. Свободный, вменяемый, не манкурт и не находящийся в состоянии гипнотического воздействия. Он или сам что-то пытается извлечь из глубин памяти, или ему оттуда что-то совершенно неожиданно «выскочило», – в любом случае человек выступает в роли собирателя-хранителя-смотрителя необозримого склада, где хранятся как разрозненные видео-, звуковые, ароматические, эмоциональные, логические сведения и последовательности, как-то сгруппированные или находящиеся там вперемешку. Субъект, стало быть, это не только владелец и пользователь памяти, но также ее «снабженец» и «работник службы охраны». Иногда – «экскурсовод». Даже если рассматривается групповой субъект, суть остается неизменной. Есть индивидуальная или значимая для групповых интересов информация, и в процессе пользования ею субъект реализует собственные СВОБОДУ, ДОСТОИНСТВО, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И очень существенно для понимания данного компонента звучат слова из определения памяти, которое приводится в Словаре В.И. Даля: «свойство души хранить, помнить сознание о былом» [Даль, 1956: 14]. Использованное здесь слово «душа» переводит понимание от информационно-статистического значения в самое что ни на есть реальное человечески обживаемое пространство.

ПРЕДМЕТ – конкретное содержание, привязанное к ситуации. Радостно воспринимаемое, с гордостью обнародуемое, или изрядно озадачивающее-смущающее, покаянно озвучиваемое – но, так или иначе, извлекаемое из

упомянутых выше собственных хранилищ. Тематически эта информация может быть бытовой, учебной, рабочей, социально-политической, религиозной, художественной, личностной, групповой. Она может бодрить-умилять, может обижать-озлоблять, оставлять безучастным. Лично у меня от давней учебы в техникуме помимо общей наименее полезной выучки внимательного-объективного-целостного рассмотрения любого вопроса сохранились, можно сказать, и «обрывки» – то ни с чем не сопоставляемое название учебного предмета («Электронные, ионные, полупроводниковые приборы»), то просто таинственные слова из загадочной химической области: «дихлордифенилтрихлорэтан». Так память тоже работает. В плане, интересующем нас сейчас, нравственно-оценочном, важно отдавать себе отчет в том, какие нравственно значимые события, ценности, векторы запечатлеваются в сознании субъекта. Не возникают ли там перекосы типа злопамятности, неблагодарности, эгоцентризма. Когда лично я читаю в серьезной книге утверждение: «в истории не было ни одного одновременного общечеловеческого события» [Антология, 2023: 26], хочется тут же спросить автора: А распятие Христа? А Гитлер и Нюрнбергский процесс? А полет Гагарина? А теперь – Украина, будь она неладна!? Наиболее значимыми характеристиками данного компонента можно назвать **ОБЪЕКТИВНОСТЬ** и **ВЗАИМОУВАЖИТЕЛЬНОСТЬ**.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, в которых происходит или не происходит воспоминание. Понятно, на экзамене или во время научной дискуссии память очень актуальна. И при исполнении актером роли. На нашей кафедре несколько лет назад писала кандидатскую диссертацию Наталия Львовна Лапина. Работа у нее была очень интересная, о моральном суждении [Лапина, 2000]. И вот какая приключилась незадача в день защиты. Соискательница, когда переходила из помещения кафедры в ту аудиторию, где должен был заседать диссертационный совет, забыла с собой захватить заготовленный текст краткого выступления. Кто защищал диссертацию, поймет – это краткое обоснование актуальности темы + выжимка из диссертации + обещание что-то важное полезное исследовать в дальнейшем. Так сообщу: раз работа была реально серьезная, вдумчивая, самостоятельная, эти забытые листы бумаги вообще не понадобились. И рассказ, и обсуждение прошли на ура, диссертация получила достойное одобрение. Еще поведаю вот про что. В 2013-м году мне довелось побывать в Париже на очень содержательной конференции, посвященной философскому наследию Аристотеля. Впечатлений была масса. В том числе – о самом Париже и о том, как французы почитают героев Первой мировой войны. Тогда как про Вторую мировую войну там, похоже, вообще забыли. Приведу здесь и недавно виденное в интернете фото. Кто-то из школьников сдал работу с надписью: «Решил в уме». И ниже этих слов почерком учителя было написано: «Молодец! ДВА». Можно было бы еще перечислять различные варианты обстоятельств-контекста, но,

надеюсь, уже понятно, насколько для этого компонента важны ЧЕСТНОСТЬ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ, ПРАВСТВЕННАЯ МЕРА, УМЕСТНОСТЬ.

МОТИВ – это побуждение, лежащее в основе совершаемого действия. В данном случае – припоминания, воспоминания, напоминания. Надо ли говорить, что психологических и нравственно-психологических состояний, движущих нашими действиями, может быть превеликое множество. Удивление, желание поделиться чем-то важным-ценным, доброжелательство, сопереживание, укор, хвастовство, обида, ревность, гордость, зависть, злорадство, благодарность и так далее. Наверняка у большинства из нас были в школьные годы ситуации, когда кто-то из одноклассников стоял у доски и явно «тормозил», не мог ответить на заданный преподавателем вопрос. Вообще по моим наблюдениям гораздо надежнее память срабатывает тогда, когда сидишь на привычном месте, а не стоишь у доски. И вот в подобной ситуации кто-то с места шепчет, подсказывая отвечающему, а кто-то тянет руку, чтобы встать и торжественно озвучить свою версию ответа. Или еще – тема мемуаров. Неоднократно встречал в СМИ констатацию, что на знаменитом субботнике 1920-го года, после которой сохранилась одна-единственная фотография, зато были созданы многочисленные плакаты, бревно с Владимиром Ильичом Лениным несли то ли двадцать, то ли вообще несколько десятков человек¹. Пожалуй, наиболее подходящим для данного компонента ситуации следовало бы назвать БЛАГОВОЛЕНИЕ.

ПЕРЕЖИВАНИЯ явно могут не совпадать с изначальным мотивом-побуждением. Одно дело – ситуативный толчок, и совсем другое – развернутая во времени партитура состояний. Вряд ли нужно быть профессиональным психологом, чтобы различать импульсивность-порывистость и переживание как внутреннюю работу субъекта, о которой, кстати, интереснейшим образом рассуждает в своей книге Ф.Е. Василюк [Василюк, 1984]. Процесс переживания, объясняет автор, поддается осмыслению, организации, управлению – по крайней мере, чтобы этот процесс не направлялся деструктивным путем, к алкоголизму, невротизации, психопатизации и т.п. [Василюк, 1984: 11]. Да, веер эмоциональных многообразий трудно поддается предвидению и систематизации – когда один человек кого-то долго не видит, он начинает скучать. А у другого – происходит спокойное забывание, вытеснение другими жизненными впечатлениями. В какой степени поддаются самоуправлению грусть расставания и верность? Можно ли говорить о праве предков на светлую память потомков, о приличествующих нравственных установках живущих людей по отношению будущим поколениям, в том числе еще не появившимся на свет? В любом случае, можно полагать, обязательным должно быть стремление

¹ Праздник освобожденного труда. История о субботнике, Ленине и бревне. URL: <https://aif.ru/society/history/1137148> (дата обращения 06.10.25).

к КУЛЬТУРЕ ЧУВСТВ.

ОСМЫСЛЕНИЕ, конечно же, имеет очень важное значение в процессах памяти: запоминании, узнавании, воспроизведении. Даже в тех случаях, когда что-то выскакивает из глубин памяти самопроизвольно, нечаянно, – вспомненное тут же может становиться предметом оценки, сопоставления, а то и «трансляции» – пересказа-описания кому-то еще. А.Р. Лурия в своей очень содержательной книге «Маленькая книжка о большой памяти» приводит много важных наблюдений, обобщений, в частности, о человеке, обладавшем уникальной памятью, сообщает, что тот использовал «умо-зрительные» методы, например, расставлял компоненты, предложенные для запоминания, вдоль хорошо знакомых улиц¹. Понятно, что подобных методов должно быть изрядно много не только у упомянутых А.Р. Лурией уникалов, но и у самых обычных людей. Для памяти зрительной, слуховой, обонятельной, мышечной, вкусовой, словесно-логической. Для памяти, срабатывающей самопроизвольно и используемой намеренно. Для рассказа про изученную самостоятельно учебную тему, для применения нужных формул в математических или физических задачах. Для выразительного произнесения стихов или в музыкальном исполнении. При рассказывании анекдота или во время проводимой экскурсии. Осмысление настоятельно требуется при разделении нужного и ненужного. Много лет тому назад кто-то из моих однополчан-срочников военной службы очень выразительно произнес слово «ЭРУДИТОР», с пренебрежением и иронией. Насколько тогда я понял по ситуации и насколько согласен с этим сейчас, – в интонации подчеркивалось то, как много ненужного загружают себе в голову подобные люди. «ЭРУДИТ: Тот, кто помнит больше, чем понимает» – так очень метко высказался на их счет Константин Мелихан [Афористика и карикатура, 2003: 557]. И все же еще важнее при осмыслении не просто отличать нужное-полезное от ненужного-бесполезного. Всеобщее среднее образование дает нам некую средневыверенную базу информации, а уж далее во взрослой жизни кому-то химия совсем не понадобится, кому-то не придется возводить число в степень, кто-то из своего региона вовсе не подумает ездить по свету. Зато всеобщепоблительной непременно окажется необходимость определять – используется ли память исключительно в эгоистических интересах или субъект открыт-отзывчив, нацелен на **НРАВСТВЕННУЮ САМООЦЕНКУ** и **СПРАВЕДЛИВОСТЬ**.

УСИЛИЯ. В этом пункте вновь пора обратить внимание на то, что память может срабатывать нечаянно, без подсказки, преподнося нам то эпизоды из детства, то впечатления из когдатопших поездок или интересных встреч, то ли

¹ Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. URL: https://royallib.com/book/luriya_aleksandr/malenkaya_knigka_o_bolshoy_pamyati.html (дата обращения 07.10.25).

из сновидений. За них родной памяти спасибо, но все же субъект на то и субъект, чтобы проявлять собственную активность, задаваться значимыми целями, настраиваться на достижение объективно положительных результатов. Если со временем будет создана «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПАМЯТИ», то разновидностям поведения, в которых осуществляется память, в этом ресурсе будет отведено заметное место. Люди привычным образом вспоминают, напоминают, поминают. Уж на что казалось бы далекая область от морали, химия – а вот, поди ж ты, в числе названий элементов наличествуют Франций, Полоний, Рутений (соответственно – в честь Франции, Польши, России), Гольмий (в честь СтокГОЛЬМа), Стронций (в Шотландии есть местечко Стронтиан), Московий (надо ли подсказывать, о чем идет речь!), есть и Дубний (элемент синтезирован в г. Дубна, что под Москвой), открыты Эйнштейний, Нобелий, Менделевий (тоже, надеюсь, смысловая привязка ясна без слов)¹... Да, многое в человеческой культуре зиждется на благодарной-уважительной памяти. Правда, именование касается не только городов, цветков, сортов продовольственных растений, но также и болезней, вирусов, пороков. Кладезь конкретных фактов, даже если б их пришлось только стенографически перечислять! А также – отдельный сюжет в ЭНЦИКЛОПЕДИИ обязательно будет посвящен ПЕРЕИМЕНОВАНИЯМ. Касательно родного города приведу только один пример. В Петербурге один из самонаипочитаемых театров – БДТ. Открывался он по инициативе А.М. Горького, и с 1932 по 1992 год носил его имя. Кто только не выступал на этой сцене! О. Басилашвили, О. Борисов, Е. Копелян, И. Краско, Е. Лебедев, К. Лавров, П. Луспекаев, В. Полицеймако, В. Стрельчик, И. Смоктуновский, Ю. Стоянов, Ю. Толубеев, Г. Штиль, А. Фрейндлих, С. Юрский... Перечисляю не хронологически, а по алфавиту. И пусть не обижаются те, чьи имена я не назвал. В список попали те, кто крепче всего лично мне запал в душу. Более тридцати лет в нем художественным руководителем был Георгий Александрович Товстоногов. И вот, в 1992-м году театр переименован в театр имени Товстоногова. Но в предыдущие-то годы артисты работали в театре им. Горького. И получается теперь, что Георгий Александрович более тридцати лет был главным режиссером в БДТ имени себя самого? Так или иначе, о человеческом осуществлении памяти нужно говорить с учетом того, насколько это делается ПО УМУ И ПО СОВЕСТИ.

РЕЗУЛЬТАТ – это изначальная ситуация, измененная усилиями субъекта: развернутый ответ студента на экзамене,

точные слова артиста в хорошо сыгранной им роли,

уверенно выполненные действия профессионала – стоматолога, залечившего зуб пациенту, диктора, без искажений произнесшего текст

¹ Откуда берутся названия химических элементов в таблице Менделеева и что они означают. URL: <https://dzen.ru/a/Zspqg1I-413zuwbs> (дата обращения 07.10.25).

новостей, библиотекаря, без задержки принесшего заказанную читателем книгу с дальней полки, без пересоленностей-подгорелостей приготовленные поваром вкусные угощения,

опубликованные мемуары,

сооруженный и торжественно открытый памятник и так далее, и так далее. Весь мир человеческой культуры стоит на том, что умело-привычно-компетентно, часто «на автопилоте» люди выполняют то, за что берутся и что им окружающие поручают-доверяют. То есть нужно отдавать себе отчет, что память важна не только для отдельно взятого человека, но и для тех, кто на него в той или иной степени рассчитывал. Уж с чем ее лучше сравнивать: с цементом, с питательным раствором – это дело третье. Важно, чтобы мы понимали: оценку памяти нужно производить не столько по обильности сохраняемой информации, сколько по тому, что она способна выдавать по нашим культуросоздающим запросам. Не по оторванной от пиджака любимого артиста пуговице, не по отколупанному кусочку святыни, привезенной после паломничества¹. И, конечно же, надо остерегаться крайностей так называемой «квантифрени», болезненной склонности все измерять-подсчитывать-рейтинговать. Да ведь если б по частоте словоупотребления можно было бы судить о мире ценностей современного россиянина – не оказались бы самыми великими святынями какие-нибудь «ТЬФУ!», «БЛИН!», «НУ ВОТ!»? Главное – чтоб память помогала нам противостоять внешним проблемам (непредсказуемым угрозам и катаклизмам, нехватке ресурсов) и внутренним трудностям-слабостям (усталости, отвлекающим мыслям, лени, несобранности, зависти, жадности, ревности, заносчивости), и чтобы мы были готовы соотносить результаты своих усилий с соображениями САМОРАЗВИТИЯ И КУЛЬТУРОСОБРАЗНОСТИ.

Последний из перечисленных компонентов, который нужно рассматривать для объективности-всесторонности-взвешенности при нравственной оценке того, как мы пользуемся памятью, это *ОТНОШЕНИЕ*. Отношение к РЕЗУЛЬТАТУ. Прежде всего – отношение к результату самого Субъекта, чья память в интересующей нас ситуации срабатывала. Где-то в интернете несколько лет назад я наткнулся на совет-наставление: «Обиды записывайте на песке. Благодарения вырезайте на мраморе». Тридцать три читателя признались, что им эта мысль понравилась, а восемь поделились прочитанным со своими знакомыми. Я же не удержался, и подметил в том интернет-ресурсе: «А если речь об обидах ближнего? Или о тех своих добрых поступках, которыми ты потом будешь попрекать окружающих?». Конечно же, нужно к себе относиться и

¹ Кудряшов К. Крестовый подход. Чего ждать от дальнейших исследований Гроба Господня? // «Аргументы и факты». 2016. № 45. URL: https://aif.ru/society/religion/krestovyy_podhod_chego_zhdad_ot_dalneyshih_issledovaniy_groba_gospodnya (дата обращения 30.10.2025).

заботливо, и самокритично. Конечно же, к другим нужно относиться и уважительно, и объективно. Терпеливо, но не до безнаказанности по поводу зла, грубости, хамства, насилия. Милосердно – но не до всепрощения. Разумеется, «Иваном, не помнящим родства» становиться не пристало. Но бывают и другие крайности – кто-то, бывает, громогласно хвастается своими прослеженными в дальние годы родственными связями. Прадед в энном колене был, допустим, героем, человеком прославленным и благородным. Ну да – это ОН был человеком, заслуживающим уважения. ОН, а вовсе не автоматически все его потомки. Вспоминать предков очень даже нужно – но, конечно же, не для того, чтобы ими кичиться, а для того, чтобы благодарно поклониться им и стараться вести себя так, чтобы им за нас не было стыдно. В последние десятилетия люди все лучше научаются считаться с теми, кого в прежние времена могли «списывать со счетов» как неполноценных-инвалидов. Нынче их все чаще называют «людьми с ограниченными возможностями», и окружающие стараются помочь им как можно полнее включиться в жизнь. Не исключаю, что нечто близкое будет и по отношению к людям с избыточной или «дырявой» памятью. Вообще вопрос о норме применительно к памяти – очень тонкий. Лично я иногда прямо заявляю: «Если бы я все держал в голове, она бы давно лопнула». Мне очень симпатично признание Фаины Раневской: «Об одном я помню точно: у меня склероз!»¹. В целом применительно к данному компоненту уместнее всего говорить про **ВЗВЕШЕННОСТЬ**, **ОБЪЕКТИВНОСТЬ**, **НАЦЕЛЕННОСТЬ НА ЛАД ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ**.

Краткие итоги

При всей своей природе, во многом глубинно укорененной в подсознание, человеческая память подлежит нравственной оценке (неспроста индивидов и социальные группы с короткой памятью справедливо за нее укоряют, и неспроста уже даже в названии: «злопамятность» видна ее негативность-разрушительность). Память может становиться полезным ресурсом, а может – тяжелым бременем, инструментом созидания и буквально оружием в противостоянии. Все зависит от того, как именно мы ее используем, на что нацеливаем: на самоутверждение – или на взаимодействие, на бесконечную «борьбу всех против всех», как об этом предупреждал Томас Гоббс [Гоббс, 1991: 95], или на «совместную деятельность», к чему призывал Марк Аврелий [Размышления, 1994: 23].

¹ Анекдоты и тосты от Раневской. URL: <https://iknigi.net/avtor-faina-ranevskaya/91892-anekdoty-i-tosty-ot-ranevskoy-faina-ranevskaya/read/page-1.html> (дата обращения 30.10.2025).

Список литературы (References)

1. Августин. Исповедь. М.: Ренессанс, 1991.
Augustine (1991) *The Confessions*. Moscow: Renaissance Publ. (In Russ.).
2. Антология современной русской философии. Т. 5. М.: Энциклопедист-Максимум, 2023.
Anthology of Contemporary Russian Philosophy (2023). Vol. 5. Moscow: Encyclopedist-Maximum Publ. (In Russ.).
3. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в четырех томах. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 53-293.
Aristotle (1983) *The Nicomachean Ethics*. Collected works in four volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl' publ. P. 53-293. (In Russ.).
4. Аристотель. О памяти и припоминании // Космос и душа. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 407-419.
Aristotle (2005) Aristotle. On Memory and Recollection. *Cosmos and Soul*. Moscow: Progress-Tradition Publ. P. 407-419. (In Russ.).
5. Армянский фольклор. М.: Наука, 1979.
Armenian Folklore (1979). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
6. Афганские народные пословицы и поговорки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
Afghan Folk Proverbs and Sayings (1961). Moscow: Inostrannaya literatura Publ. (In Russ.).
7. Афористика и карикатура. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 24. М.: ЭКСМО, 2003.
Aphorisms and Caricature. An Anthology of Satire and Humor of 20th-Century Russia (2003). Vol. 24. Moscow: EKSMO Publ. (In Russ.).
8. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: МГУ, 1984.
Vasilyuk F.E. (1984) Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
9. Гварджаладзе И.С., Мchedlishvili Д.И. Английские пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1971.
Gvardzhaladze I.S., Mchedlishvili D.I. (1971) English Proverbs and Sayings. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.).
10. Гоббс Т. Левиафан // Соч. в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3-643.
Hobbes T. (1991) *Leviathan*. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ. P. 3-643. (In Russ.).
11. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. СПб.: Диамант, 1998.
Dahl V.I. (1998) Proverbs and sayings of the Russian people. St. Petersburg: Diamant Publ. (In Russ.).
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 3. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1956.

Dahl V.I. (1956) Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. (In Russ.).

13. Домострой. СПб.: Лениздат, 1992.

Domostroy (1992) St. Petersburg: Lenizdat Publ. (In Russ.).

14. Древнеиндийские афоризмы. М.: Наука, 1966.

Ancient Indian Aphorisms (1966). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

15. Корейские народные изречения. На корейском и русском языках. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982.

Korean Folk Sayings. In Korean and Russian (1982). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ. (In Russ.).

16. Курдские пословицы и поговорки. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972.

Kurdish Proverbs and Sayings (1972). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ. (In Russ.).

17. Лапина Н.Л. Генезис морального суждения: автореф. дис. канд. филос. наук. СПб., 2000.

Lapina N.L. (2000) Genesis of Moral Judgment. Abstract of Thesis on competition of a scientific degree of Candidate of Philosophical Sciences. St. Petersburg. (In Russ.).

18. Монгольские народные пословицы и поговорки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.

Mongolian Folk Proverbs and Sayings (1962). Moscow: Inostrannaya literatura Publ. (In Russ.).

19. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. М.: Мысль, 2010.

New Encyclopedia of Philosophy. The 4-vols. Moscow: Mysl' publ. (In Russ.).

20. Пословицы абхазского народа. Сухуми: АГУ, 1994.

Proverbs of the Abkhaz People (1994). Sukhumi: Abkhazian State University Publ. (In Russ.).

21. Психологическая энциклопедия: 2-е изд. СПб.: Питер, 2003.

Psychological Encyclopedia: 2nd edition (2003). St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).

22. Размышления / Марк Аврелий. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994.

The Meditations (1994) / Marcus Aurelius. Magnitogorsk: Amrita-Ural Publ. (In Russ.).

23. Сад камней: Мудрость Китая и Японии. СПб.: Паритет, 2005.

The Garden of Stones: Wisdom of China and Japan (2005). St. Petersburg: Paritet Publ. (In Russ.).

24. Сказки, пословицы и песни лужицких сербов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.

Fairy Tales, Proverbs, and Songs of the Lusatian Serbs (1962). Moscow: Inostrannaya literatura Publ. (In Russ.).

25. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1982.

Dictionary of Latin winged words (1982). Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russ.).

26. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1989.

Dictionary of Ethics (1989). Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.).

27. Сомалийские пословицы и поговорки. М.: Наука, 1983.

Somali Proverbs and Sayings (1983). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

28. Уйгурские пословицы и поговорки. М.: Наука, 1981.

Uighur Proverbs and Sayings (1981). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

29. Уйгурские пословицы и поговорки. М.: Наука, 1981.

Uighur Proverbs and Sayings (1981). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

30. Чакалов И.В. Пословицы и поговорки цалкинских (триалетских) греков. Салоники: Эродиос, 1997.

Chakalov I.V. (1997) Proverbs and Sayings of the Tsalkin (Trialeti) Greeks. Thessaloniki: Erodios Publ. (In Russ.).

31. Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.

Ethics: The Encyclopedic Dictionary (2001). Moscow: Gardariki Publ. (In Russ.).

32. Японские народные пословицы и поговорки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

Japanese Folk Proverbs and Sayings (1959). Moscow: Inostrannaya literatura Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе

Зимбули Андрей Евгеньевич – профессор кафедры эстетики и этики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор философских наук, профессор. Занимается изучением нравственно-ценностных аспектов современной культуры. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: zimbuli@yandex.ru

About the author

Zimbuli Andrey Evgenevich – professor of the Department of Aesthetics and Ethics of the Herzen State University, doctor of philosophical sciences, professor. Engaged in studying of moral and value aspects of modern culture. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: zimbuli@yandex.ru

Поступила 30.10.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

Submitted 30.10.2025; revised 30.12.2025; accepted 30.12.2025.

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-42-53

Р. В. Федосеев

Калужский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Калуга, Россия, e-mail: fedoseevrv@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ГЕНОЦИДА ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК МЕРА ПО ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

В статье с позиции защиты исторической памяти рассматривается проблема признания культурного геноцида преступлением против мира и безопасности человечества. Приводятся основные подходы к определению понятия «культурный геноцид», рассматриваются такие его формы, как лингвоцид и информационный геноцид.

Особый акцент сделан на проблеме разрушения объектов исторического и культурного наследия как элементе культурного геноцида. Отмечено, что политика ограничений и посягательств на культуру русскоязычного населения на территории бывшей Украинской ССР является составной частью объемной программы по нейтрализации этнических русских. Одним из значимых способов противодействия реализации данной программы является признание культурного геноцида преступлением против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: культурный геноцид, международное право, государство, памятник, лингвоцид.

Ссылка для цитирования: Федосеев Р.В. Проблема признания культурного геноцида преступлением против мира и безопасности человечества как мера по защите исторической правды // Социальные нормы и практики. 2025. № 4. С. 42-53. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-42-53.

R. V. Fedoseev

Kaluga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
Kaluga, Russia, e-mail: fedoseevrv@gmail.com

THE PROBLEM OF RECOGNIZING CULTURAL GENOCIDE AS A CRIME AGAINST THE PEACE AND SECURITY OF HUMANITY AS A MEASURE TO PROTECT HISTORICAL TRUTH

This article examines the issue of recognizing cultural genocide as a crime against the peace and security of humanity from the perspective of protecting historical memory and truth. It outlines the main approaches to defining the concept of cultural genocide and discusses its forms, including linguicide and information genocide.

Particular emphasis is placed on the destruction and suppression of historical and cultural heritage as aspects of cultural genocide. It is noted that the policy of restrictions and attacks on the culture of the Russian-speaking population in the territory of the former Ukrainian SSR is an integral part of a comprehensive program to neutralize ethnic Russians. One significant way to counter the implementation of this program is to recognize cultural genocide as a crime against the peace and security of humanity.

Keywords: cultural genocide, international law, state, monument, linguocide.

For citation: Fedoseev R.V. (2025) The Problem of Recognizing Cultural Genocide as a Crime Against the Peace and Security of Humanity as a Measure to Protect Historical Truth. *Social norms and practices*. No. 4. P. 42-53. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-42-53.

Введение

В настоящее время в некоторых государствах бывшего социалистического лагеря, на территории бывших советских республик происходит целенаправленное уничтожение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны (ВОВ): оскверняются и разрушаются памятники, мемориальные захоронения; из сознания проживающего на данных территориях населения стирается информация о том, кто и какой вклад сделал в победу; значение победы в ВОВ всячески ставится под сомнение. При этом действенных юридических механизмов противодействия этому процессу на данный момент практически не существует.

Сегодня защита исторической правды – одна из первостепенных задач российского государства. В эпоху гибридных войн преступления, подпадающие под доктринальное определение геноцида, встречаются реже, чем раньше. Взамен идеологи цветных революций предложили целый комплекс мер, направленных на уничтожение или искажение самосознания, исторической памяти, системы ценностей того или иного народа, расовой, религиозной, этнической или национальной группы.

И в этом контексте, на наш взгляд, назрела необходимость вновь акцентировать внимание на проблеме признания культурного геноцида преступлением против мира и безопасности человечества в международном праве, так как на сегодняшний день по большей части только международные механизмы (и они – скорее только гипотетически) способны защитить объекты культуры и искусства, памятники и иные объекты, по тем или иным причинам оказавшиеся за пределами территории Российской Федерации.

Как отмечает М.Э. Бабаян, «концепция культурного геноцида не имеет четкого и общепризнанного определения, она никогда не была принята и кодифицирована на национальном или международном уровнях. Концепция оказалась спорной при определении преступления геноцида в конце 1940-х гг. и остается таковой на сегодняшний день» [Бабаян, 2020: 101].

Таким образом, закрепленное в международных и национальных правовых актах понятие геноцида не учитывает современных форм его проявления.

Следовательно, необходимо уточнить содержание данного понятия и четко определить существующие на текущий момент его формы.

Расширение понятия «геноцид»: политико-правовые ракурсы

В условиях сочетания сложных процессов глобализации и глокализации появляются новые формы геноцида, которые обозначаются понятием «косвенный геноцид». Ю.В. Черновицкая обоснованно определяет косвенный геноцид как «...направленное отрицательное воздействие на национально-культурную среду, преднамеренное экономическое, биологическое и природно-экологическое вмешательство...» [Черновицкая, 2008: 171]. Первая из упомянутых в данном определении форм часто определяется как культурный геноцид. Это понятие тесно связано с этноцидом, но не идентично ему. Как отмечает Черновицкая, «...в этноциде действия ограничиваются уничтожением культуры народа, при этом как следствие уничтожение самого народа был бы желательный (но не обязательный) результат, так как скорее всего народ, лишенный своей культуры, ассимилируется» [Черновицкая, 2015: 1805]. В культурном геноциде уничтожение культуры не цель, а средство уничтожения народа. При этом очевидна тесная связь между физическим уничтожением и культурным разрушением.

Сложившееся в международном праве понимание геноцида основано на концепции Рафаэля Лемкина. Именно он ввел данный термин и сделал все возможное, чтобы ООН приняла конвенцию, признающую геноцид международным преступлением. Лемкин делал акцент на том, что такое явление, как геноцид, не исчерпывается немедленным уничтожением нации. Геноцид – это «...скоординированный план различных действий, направленных на разрушение фундаментальных основ жизни национальных групп с целью их уничтожения. Цель такого плана – распад политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и экономического существования национальных групп, а также уничтожение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и лишение жизни отдельных лиц, принадлежащих к таким группам» [Lemkin, 1944: 79]. Для его реализации вводятся запреты изучать родной язык и гуманитарные науки, уничтожаются культурные ценности, вводится жесткий контроль всей культурной деятельности, осуществляемый специальными государственными органами (в Третьем Рейхе в качестве такого органа выступала Имперская палата культуры (нем. Reichskulturkammer). Проводя параллели, нужно отметить, что на Украине сейчас функционирует Институт национальной памяти, имеющий статус центрального органа исполнительной власти.

В науке понятие «культурный геноцид» довольно подробно изучено, например, в работах М.А. Арутюнян [Арутюнян, 2009], М.Э. Бабаян [Бабаян, 2020], Е.Г. Бурячковой [Бурячкова, 2016], Ю.В. Черновицкой [Черновицкая, 2015] и др. Во внутринациональном законодательстве культурные ценности также защищены, в частности, речь идет о нормах, закрепленных в статьях 213,

243.4, 244 УК РФ¹ и ст. 20.1 КоАП РФ². Однако в международном праве существует целый ряд пробелов.

Парадоксальным образом, в военный период культурные ценности защищены больше, чем в мирный. После массового уничтожения и разрушения объектов культурного наследия во время Второй мировой войны была принята Гаагская конвенция от 14 мая 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»³, а также ряд других актов. Но в мирное время или в ситуации, когда стороны не признают состояния войны, механизмов защиты культурных ценностей фактически не существует.

При этом само понятие «геноцид» впервые было закреплено еще в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 96 (1) от 11 декабря 1946 г. Именно в этой резолюции указывается, что геноцид является преступлением с точки зрения международного права⁴.

В Уставе Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси не используется понятие «геноцид», но указывается, что к преступлениям, подлежащим юрисдикции Трибунала, в частности, относятся «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» (п. «с» ст. 6)⁵.

Таким образом, было «выработано понимание того, что геноцид – это одностороннее массовое убийство, в котором государство, или другая преобладающая сила, намеренно уничтожает значительную часть национального, этнического или религиозного сообщества или группу, в то время как принадлежность к ней иногда произвольно определяется самим исполнителем» [Кибальник, Мартиросян, 2012: 121].

09 декабря 1948 года принимается Конвенция ООН «О предупреждении

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 года) // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15283#jNs0P9Vys0Qx0DeL2> (дата обращения 01.12.2025).

⁴ Преступление геноцида. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 96 (1) от 11 декабря 1946 г. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/96\(I\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/96(I)) (дата обращения 01.12.2025).

⁵ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения 01.12.2025).

преступления геноцида и наказания за него», в окончательном тексте которой, как и в ст. 357 УК РФ, под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую, в частности:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»¹.

Понятие культурного геноцида как уничтожения культурных, языковых и религиозных характеристик расовой, религиозной, этнической или национальной группы в Конвенции не встречается, как и в любом другом акте международного или российского права.

В то же время, в первоначальной версии Конвенции наряду с определением физического и биологического геноцида присутствовал и термин «культурный геноцид». Но целый ряд стран Запада были против, в частности, Канада, у руководства которой были «...достаточно весомые опасения, что политика канадского правительства в отношении индигенных народов на протяжении более чем вековой истории может быть оценена именно как культурный геноцид» [Юдин, 2015: 205]. С учетом такой позиции в итоговом тексте Конвенции концепция геноцида была «урезана», и «...единственной формулировкой из характеризующих и осуждающих культурный геноцид, которая была отражена в окончательном варианте конвенции, принятой 9 декабря 1948 г. ГА ООН, стала насильственная передача детей, как представителей культурного наследия, из одной группы в другую» [Бабаян, 2020: 101].

Таким образом, наиболее распространенная в современной юридической науке позиция о необходимости расширения понятия «геноцид», имеет под собой правовые и исторические основания. Помимо физического уничтожения групп или отдельных лиц на основании принадлежности к определенной группе, геноцидом является и духовное уничтожение, выражающееся в разрушении культурного наследия национальной, расовой или религиозной группы. Культурный геноцид, как справедливо указывают Е.И. Галяшина и К.М. Богатырев, «...может предшествовать геноциду, сопутствовать ему или следовать после него, являясь элементом политики отрицания» [Галяшина, Богатырев, 2024: 25].

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Заключена 09.12.1948) // Ведомости ВС СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

Формы культурного геноцида

Форм культурного геноцида, которые могли бы расширить существующую концепцию, либо стать отдельным преступлением против мира и безопасности человечества, осуществляемым при этом в мирное время, довольно много.

В первую очередь можно вспомнить о языковом геноциде или лингвоциде, который крайне разрушителен, т. к. «...может привести к физической и биологической смерти языка, потере национальной идентичности, этнической культуры, исторического наследия, а также к истреблению его носителей» [Волосова, 2024: 18].

Лингвоцид – это преступление, которое требует значительной подготовки: «прогревание» публичного пространства, вытеснение применения уничтожаемого языка сначала из публичного дискурса, а затем и из частной жизни граждан, введение нормативных ограничений использования языка меньшинств. Н.Ю. Волосова выделяет три этапа языкового геноцида: лингвоограничения, лингвицизм и непосредственно лингвоцид, который в крайних формах выражается в физическом уничтожении носителей языка [Волосова, 2024: 20].

На текущий момент третий этап языкового геноцида наблюдается на Украине. После отмены закона «Об основах государственной языковой политики», которым гарантировался особый статус русского языка, последний стал постепенно вытесняться из публичного пространства. Были введены ограничения для вещания на русском языке в СМИ. Затем сначала ограничили, а потом и запретили использовать русский язык в образовательном процессе. Увеличилось число случаев проявления агрессии к лицам, использующим русский язык в бытовой коммуникации. Похожая ситуация разворачивается и в Прибалтике.

Еще одной формой, к которой также необходимо относиться серьезно, выступает информационный геноцид, под которым понимаются «...организованные и систематически осуществляемые мероприятия по созданию негативного образа группы, выделенной по этническому признаку» [Галяшина, Богатырев, 2024: 26].

Актуальным примером информационного геноцида является отмена русской культуры, осуществляемая на Западе. Это хорошо организованная и спланированная информационная кампания, нацеленная на искоренение любых положительных упоминаний о русской культуре, языке, ценностях. Информация, которая может сыграть в пользу России и русских, если и появляется в публичном пространстве, то часто маркируется как дезинформация, дискредитируется и наделяется политическими подтекстами.

Согласимся с мнением Е.И. Галяшиной и К.М. Богатырева о том, что «особо циничный и оскорбительный характер для России, народ которой понес наибольшие жертвы в борьбе с нацизмом, несут ложные обвинения в развязывании Второй мировой войны (обосновывающие допустимость агрессии нацистской Германии и ее союзников в 1941 г.), концепция «равной» вины и

«одинаково преступной природы» СССР и Третьего рейха» [Галяшина, Богатырев, 2024: 26].

Особую озабоченность вызывает разрушение объектов исторического и культурного наследия как элемент культурного геноцида. Ярким примером служит ситуация, которая сложилась на территории бывшей УССР, где современные политики «...стараятся максимально «зачистить» мемориальное поле, убрав пространственные коды «русскости»/«советскости», для окончательного утверждения своей националистической концепции прошлого» [Филев, Курганский, 2022: 157]. Борьбу с памятниками советского прошлого часто называют «войнами памяти». Местные власти при этом ссылаются на политику «декоммунизации», движущей силой которой выступает Украинский институт национальной памяти, которому в 2015 г. был возвращен статус центрального органа исполнительной власти.

Данный процесс начался еще в начале 1990-х годов с уничтожения памятников Ленину в областях Западной Украины. Позднее, уже в 2013 году, были снесены памятники Ленину в Киеве, Одессе, Волынской и Черкасской областях, а в 2016 году – в Днепрпетровске. В целом, за период «ленинопада» было снесено более 2 тысяч памятников.

В 2015 году Верховная рада Украины приняла пакет из четырех «мемориальных» законов, и после этого началась глобальная трансформация культурного пространства с замещением исторической памяти националистическим культурным кодом [Филев, Курганский, 2022: 148-149].

Поскольку описанные процессы связаны с уничтожением не только советских, но и российских памятников, включая памятники дореволюционным деятелям и событиям, понятие «декоммунизация» заменяется понятием «деколонизация». В рамках деколонизации уничтожены «...памятники людям, принадлежащим нашей общей с украинцами истории: Суворову, Кутузову, Потемкину, Ушакову, наконец, Екатерине II, основательнице Одессы» [Антонов, 2023: 10]. Так, например, в 2019 году снесли памятник А.В. Суворову, который располагался во дворе Киевского военного лицея им. И. Богуна, носившего ранее название Суворовского училища [Филев, Курганский, 2022: 149].

После начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года осуществился окончательный переход от «декоммунизации» и «деколонизации» к «дерусификации», в рамках которой пострадали памятники отечественным деятелям, которые никак не были и не могли быть связаны с коммунистическим периодом нашей общей истории. В апреле 2022 года было принято решение о демонтаже 60 памятников и мемориальных досок. В частности, демонтировали памятники А. С. Пушкину в Мукачево, Тернополе, Ужгороде, Николаеве; а в мае 2022 года снесли памятник святому благоверному князю Александру Невскому в Харькове [Филев, Курганский, 2022: 150].

В этот же период особенно интенсивно продолжили уничтожать памятники героям Великой Отечественной войны, хотя начался этот процесс намного раньше параллельно с переосмыслением итогов войны, в которых

Украину пытались представить как жертву двух тоталитарных режимов [Филев, Курганский, 2022: 151].

Массово сносятся мемориалы советским воинам-освободителям, памятные стелы, бюсты. Под демонтаж попали памятники «...маршалам Победы: Жукову, Коневу, Толбухину, Рокоссовскому, памятник на могиле командующего войсками 1-го Украинского фронта, освобождавшего Киев, генерала Н.Ф. Ватутина. Снесли даже памятник уроженцу Днепропетровска Герою Советского Союза рядовому Александру Матросову» [Антонов, 2023: 10].

Из последних примеров можно вспомнить разрушение «Холма Славы» во Львове, включая демонтаж захоронения советского разведчика Николая Кузнецова, начавшийся 23 апреля 2025 года¹.

Аналогичная политика, сопровождающаяся уничтожением советских военных памятников, проводится в Польше. И, хотя здесь количество уничтоженных памятников не такое большое, как на территории бывшей УССР, все же можно найти значительное количество примеров, в частности, в г. Пененжно в июне 2016 года был демонтирован памятник генералу И.Д. Черняховскому [Филев, Курганский, 2022: 155]. После 2022 года в Хшовицах снесли памятник Красной армии², а в Седльце – солдату-красноармейцу³. В декабре 2025 года в польском городе Машево был снесен памятник солдатам Красной армии. Двухметровый гранитный монумент с надписью «Слава освободителям 3 марта 1945 года» был демонтирован по инициативе Института национальной памяти⁴. Зафиксировано также множество случаев осквернения памятников.

Близка по содержанию политика, проводимая в прибалтийских республиках. Например, в Латвии практически сразу после принятия закона «О запрете экспонирования объектов, прославляющих советский и нацистский режимы, и их демонтаже на территории Латвийской Республики» от 23 июня 2022 года уничтожили порядка 160 советских мемориалов [Кожага, 2024: 112]. После того, как почти все более или менее известные памятники были снесены, прибалтийские националисты сосредоточились на уничтожении советских братских кладбищ. «Пока в этом позорном деле лидирует Эстония, где в течение последнего времени были ликвидированы солдатские захоронения в городах

¹ Во Львове начался демонтаж захоронения советского разведчика Кузнецова. URL: <https://lenta.ru/news/2025/04/23/vo-lvove-nachalsya-demontazh-zahoroneniya-sovetskogo-razvedchika-kuznetsova/> (дата обращения 01.12.2025).

² Случаи вандализма и сноса советских памятников в 2022 году. URL: <https://tass.ru/info/14466999> (дата обращения 01.12.2025).

³ В Польше сносят три памятника советским солдатам. URL: <https://ria.ru/20220420/polsha-1784494657.html?ysclid=mjb8zcvrsb87840161> (дата обращения 01.12.2025).

⁴ В Польше разрушили еще один памятник советским солдатам. URL: <https://lenta.ru/news/2025/12/10/v-polshe-razrushili-esche-odin-pamyatnik-sovetskim-soldatam/?ysclid=mjbadrt8s189249969> (дата обращения 12.12.2025).

Раквере, Пярну, Тарту, Тапа, Хаапсалу, в волостях Тюри, Эммасте, Нью и Вызу и в ряде других муниципалитетов»¹.

В целом, подобное происходит почти на всем пространстве бывшего социалистического лагеря. В частности, по состоянию на апрель 2025 года Следственный комитет России возбудил и в данный момент расследует 20 уголовных дел по фактам осквернения мемориалов воинов СССР в странах Европы, случаи осквернения могил красноармейцев выявлены на территории 15 стран: Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Польши, Германии, Чехии, Греции, Австрии, Швейцарии, Финляндии, Болгарии, Словакии, Румынии и Молдовы².

Помимо уничтожения объектов исторического и культурного наследия в рамках процессов «декоммунизации» и «дерусификации» активно идет процесс переименования топонимов советского и дореволюционного периодов, что также соответствует официальным концепциям русофобии. В частности, на территории бывшей УССР массово переименовываються улицы и проспекты, школы и библиотеки, парки, скверы и институты. В ходе продолжающегося процесса там переименовано уже более тысячи населенных пунктов, более 50 тысяч улиц и площадей [Антонов, 2023: 10].

Заключение

Проблема сохранения исторической правды крайне многогранна. Она усугубляется агрессивной политикой Запада по отношению к России, русской культуре. По сути, в ряде недружественных государств процветает идея истребления российского народа, его культуры, жителей и всего, что связано с историческим прошлым и настоящим нашей страны. В крайне тяжелое положение попали наши соотечественники, проживающие в некоторых государствах бывшего СССР; против них осуществляются действия, направленные не только на ухудшение качества жизни, но и, в конечном счете, на физическое уничтожение [Безручко, 2024: 15]. Фактически, против русскоязычного населения там развернута компания культурного геноцида, к чему нужно относиться очень серьезно, т.к. это преступление может предшествовать геноциду в доктринальном понимании этого слова. Так, например, было с тамилами на Шри-Ланке, где десятилетиями проводимая политика культурных и языковых ограничений в конечном итоге переросла в открытую форму геноцида. Необходимо учитывать, что «уничтожение памятников, имеющих особую культурную или историческую ценность

¹ Елисеев Н. Шабаш гробокопателей: в Прибалтике разоряют братские могилы советских воинов Националисты раскручивают антироссийский маховик. URL: <https://iz.ru/1948652/nikita-eliseev/shabash-grobokopateleiv-pribaltike-razoriaiut-bratskie-mogily-sovetskikh-voinov> (дата обращения 01.12.2025).

² СК возбудил десятки уголовных дел об осквернении мемориалов красноармейцев в Европе. URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/06/sk-vozbudil-desyatki-ugolovnyh-del-ob-oskvernenii-memorialov-krasnoarmeitsev-v-evrope/> (дата обращения 01.12.2025).

свидетельствует о наличии умысла на уничтожение тех, кто эти памятники создавал»¹.

Ограничения, введенные для русского языка и русской культуры на территории бывшей УССР, необходимо рассматривать как часть поэтапного процесса, направленного, в конечном счете, не на нейтрализацию этнических русских, физическом геноциде [Бабаян, 2020: 107]. Это уже фиксируется на Донбассе и в Новороссии, и необходимо предпринять все возможные усилия, чтобы не допустить уничтожения русских на подконтрольной киевскому режиму территории.

Одним из способов избежать этого выступает признание культурного геноцида преступлением против мира и безопасности человечества, чем нужно уже сейчас активно заниматься, особенно с учетом противодействия со стороны теоретиков глобализма в его «западной» редакции с систематической и последовательной дискредитацией и ревизией всего советского и российского культурного наследия.

Список литературы (References)

1. Антонов Г.Н. Феномен Пушкина в геополитике XXI века. О сносе памятников Пушкину на Украине // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 3-14.

Antonov G.N. (2023) The Pushkin Phenomenon in the Geopolitics of the 19th Century. On the Demolition of Monuments to Pushkin in Ukraine. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. Vol. 9. No. 2. P. 3-14. (In Russ.).

2. Арутюнян М.А. Понятие преступления геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 403-415.

Arutyunyan M.A. (2009) The concept of the crime of genocide. The historical background of the international legal recognition of genocide as a crime against the security of humanity. *Actual problems of Russian law*. No. 3. P. 403-415.

3. Бабаян М.Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3 (33). С. 99-111. DOI 10.22394/2073-2929-2020-3-99-111.

Babayan M.E. (2020) The Phenomenon of Cultural Genocide: History and Modernity. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. No. 3 (33). P. 99-111. DOI 10.22394/2073-2929-2020-3-99-111. (In Russ.).

4. Безручко Е.В. От геноцида советского народа во время Великой Отечественной войны к геноциду современности // Мир криминалистики. 2024.

¹ Культурный геноцид – преступление против человечества! Итоги симпозиума. URL: <https://news.rambler.ru/science/45953322-kulturnyy-genotsid-prestuplenie-protiv-chelovechestva-itogi-simpoziuma/> (дата обращения 12.12.2025).

№ 1. С. 11-17.

Bezruchko E.V. (2024) From the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War to the genocide of the present. *Mir kriminalistiki*. No. 1. P. 11-17. (In Russ.).

5. Бурячкова Е.Г. Понятие геноцида, его новые формы // Российский судья. 2016. № 6. С. 45-49.

Buryachkova E.G. (2016) Notion of Genocide, Its New Forms. *Russian Judge*. No. 6. P. 45-49. (In Russ.).

6. Волосова Н.Ю. Лингвоцид как форма проявления геноцида // Мир криминалистики. 2024. № 1. С. 18-22.

Volosova N.Yu. (2024) Linguocide as a form of genocide. *Mir kriminalistiki*. No. 1. P. 18-22. (In Russ.).

7. Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Информационный геноцид как практика русофобии // Мир криминалистики. 2024. № 1. С. 23-28.

E.I. Galyashina, K.M. Bogatyrev. Information genocide as a practice of Russophobia. *Mir kriminalistiki*. No. 1. P. 23-28. (In Russ.).

8. Кибальник А.Г., Мартиросян А.С. Эволюция уголовной ответственности за геноцид в XX веке // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 118-122.

Kibalnik A.G., Martirosyan A.S. (2012) Evolution of criminal responsibility for genocide during XX century. *Society and Law*. No. 4 (41). P. 118-122. (In Russ.).

9. Кожага Я.О. Избирательный подход к сохранению объектов культурного наследия в Латвии на примере сноса памятников советской эпохи // Международно-правовая система и наука в поиске ответов на глобальные вызовы. Сборник научных статей молодых исследователей. СПб.: Астерион, 2024. С. 111-117.

Kozhaga Ya.O. (2024) Selective Approach to the Preservation of Cultural Heritage Sites in Latvia: The Case of the Demolition of Soviet-Era Monuments. *The International Legal System and Science in Search of Answers to Global Challenges. A Collection of Scientific Articles by Young Researchers*. St. Petersburg: Asterion Publ. P. 111-117. (In Russ.).

10. Филев М.В., Курганский А.А. Демонтаж памятников как ключевая часть процесса «декоммунизации» на Украине и в Польше после 2014 года // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 146-161. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-9.

Filev M.V., Kurganskii A.A. (2022) Dismantling monuments as the core of the post-2014 ‘decommunisation’ in Ukraine and Poland. *Baltic Region*. Vol. 14. No. 4. P. 146-161. doi:10.5922/2079-8555-2022-4-9. (In Russ.).

11. Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 165-171.

Chernovitskaya Yu.V. (2008) “Indirect” genocide in modern society (social and philosophical aspects). *Voprosy Filosofii*. No. 10. P. 165-171. (In Russ.).

12. Черновицкая Ю.В. Трансформация понятия геноцид в современном обществе // Философия и культура. 2015. № 12. С. 1801-1811. DOI: 10.7256/1999-

2793.2015.12.14722.

Chernovitskaya Yu.V. (2015). Transformation of the Concept of Genocide in Modern Society. *Philosophy and Culture*. No. 12. P. 1801-1811. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.12.14722. (In Russ.).

13. Юдин В.И. Культурный геноцид коренных народов Канады: правда, примирение и остающиеся без ответа вопросы // *Власть*. 2015. № 10. С. 204-207.

Yudin V.I. (2015) Cultural Genocide of Indigenous People in Canada: Truth, Reconciliation and Unanswered Questions. *Vlast`*. No. 10. P. 204-207. (In Russ.).

14. Lemkin R. (1944) *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.

Сведения об авторе

Федосеев Роман Васильевич – доктор исторических наук, доцент, директор Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Занимается изучением проблем правового статуса, политического и экономического положения дворянского сословия во второй половине XIX – начале XX в. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: fedoseevrv@gmail.com

About the author

Fedoseev Roman Vasil'evich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Kaluga institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). Engaged in the study of the problems of legal status, political and economic status of the nobility in the second half of XIX – early XX century. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: fedoseevrv@gmail.com

Поступила 03.12.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

Submitted 03.12.2025; revised 29.12.2025; accepted 30.12.2025.

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-54-69

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА
ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В ПОРЯДКЕ СТ. 165 УПК РФ**

В статье рассмотрена проблема реализации принципа состязательности в рамках судебно-контрольного производства, осуществляемого на досудебных стадиях в порядке ст. 165 УПК РФ. Автор оппонирует распространенной в научной литературе позиции о неприменимости положений данного принципа к процедуре предварительного судебного контроля.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что принцип состязательности распространяется на процедуру предварительного судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ, но имеет свои особенности, обусловленные объективной невозможностью обеспечить личное участие на этапе подготовки и проведения судебного заседания обвиняемого, подозреваемого, защитника и иных лиц, в отношении которых планируется производство следственных и иных процессуальных действий. Неинформирование обвиняемого, подозреваемого о процедуре судебно-контрольного производства и планируемых действиях следователя, а также отсутствие у него и его защитника возможности принять участие в судебном заседании вовсе не свидетельствует об отсутствии собственно правового конфликта, спора. Как и в других ситуациях, когда законодатель не может обеспечить непосредственное участие заинтересованных лиц в судебном заседании, процедура предварительного судебного контроля предусматривает механизм защиты прав отсутствующей стороны путем участия специальных субъектов, в данном случае, участие прокурора.

Уголовно-процессуальное законодательство возлагает на прокурора комплекс обязанностей по защите прав и законных интересов участников судебно-контрольного производства, общества и государства посредством формирования законной и обоснованной позиции по вопросу о наличии оснований для производства следственного действия, отстаивание ее законными средствами и способами в судах первой и последующих инстанций. Прокурор – это самостоятельный участник, имеющий отличные от следователя и иных участников судопроизводства со стороны обвинения задачи и функции. Следовательно, он может занимать и отстаивать позицию, противоречащую

позиции следователя, дознавателя, что уже нередко встречается в современной практике.

Автором предложено в ст. 165 УПК РФ закрепить обязательность участия прокурора в данном виде судебного заседания.

Ключевые слова: судебный контроль, следственное действие, судебное санкционирование, суд, прокурор, районный суд, процессуальное действие.

Ссылка для цитирования: Шигуров А.В. Особенности реализации принципа состязательности при осуществлении судебного контроля за производством следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ // Социальные нормы и практики. 2025. № 4. С. 54-69. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-54-69.

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF IMPLEMENTING THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN JUDICIAL CONTROL OF INVESTIGATIVE ACTIONS UNDER ARTICLE 165 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the implementation of the adversarial principle in judicial control proceedings conducted at pre-trial stages under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author challenges the widespread position in the academic literature that this principle is inapplicable to preliminary judicial control proceedings.

The study demonstrates that the adversarial principle applies to proceedings under Article 165 of the Criminal Procedure Code, though it possesses unique features. These features stem from the objective impossibility of ensuring the personal participation of the accused, suspect, defense counsel, or other persons subject to investigative and other procedural actions during the preparation and conduct of the court hearing. The fact that the accused or suspect is not informed of the proceedings and the investigator's planned actions, as well as cannot participate in the hearing does not signify the absence of a legal conflict or dispute in such cases. As in other instances where the legislature cannot ensure the direct participation of interested parties, the preliminary judicial control procedure provides a mechanism for protecting the rights of the absent party through the involvement of specific entities – in this case, the prosecutor.

The criminal procedure legislation imposes on the prosecutor a range of responsibilities to protect the rights and legitimate interests of judicial control proceedings participants, society, and the state. This is achieved by formulating a lawful and well-founded position regarding the existence of grounds for the investigative action and defending it through legal means in courts of first and

subsequent instances. The prosecutor is an independent participant with tasks and functions distinct from those of the investigator or other prosecution-side actors. Consequently, the prosecutor may adopt and defend a position contrary to that of the investigator or inquiry officer, which is already a characteristic of modern practice.

The author proposes amending Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to establish the mandatory participation of the prosecutor in this type of court hearing.

Keywords: judicial control, investigative action, judicial sanction, court, prosecutor, district court, procedural action.

For citation: Shigurov A.V. (2025) Specific Features of Implementing the Adversarial Principle in Judicial Control of Investigative Actions under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Social norms and practices*. No. 4. P. 54-69. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-54-69.

Введение

Судебно-контрольное производство, осуществляемое на досудебных стадиях уголовного процесса в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, имеет ряд особенностей, существенно отличающих данную форму судебного заседания от правосудия в традиционном его понимании, как процессуальной деятельности по рассмотрению уголовного дела по существу. Одним из дискуссионных вопросов в современной уголовно-процессуальной науке является вопрос о том, распространяется ли на данную форму судебного контроля принцип состязательности. В научной литературе распространенной является позиция о том, что данный принцип вообще неприменим к процессуальному механизму предварительного судебного контроля.

Так, Е.В. Рябцева замечает, что при осуществлении судебного контроля отсутствует правовой спор между сторонами, который суд разрешает как независимый арбитр¹.

С.Б. Россинский утверждает, что российская процедура принятия судом «получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти» [Россинский, 2017: 225].

В.В. Кальницкий, анализируя порядок судебного контроля за производством следственных действий, также приходит к выводу о том, что здесь, как правило, отсутствуют стороны, что превращает судью в административное лицо, действующее без какой-либо процедуры рассмотрения вопроса, аналогично тому, как ранее прокурор санкционировал следственные

¹ Рябцева Е.В. Судебная деятельность в уголовном процессе России: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2006. С. 48.

действия. Но в отличие от прокурора, который в силу особенностей надзорной деятельности знал материалы уголовного дела, судья изучает материалы дела лишь фрагментарно¹.

Рассмотрим данный вопрос и связанные с ними проблемы производства в порядке ст. 165 УПК РФ в рамках настоящей статьи.

Методы

При анализе особенностей реализации принципа состязательности в ходе судебного контроля за следственными действиями, были использованы формально-юридический и иные методы научного познания.

Результаты

Принцип состязательности, урегулированный ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ, состоит из ряда элементов, создающих условия для справедливого и законного осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в которой каждой стороне даются равные возможности для отстаивания своей позиции перед судом, а суду создаются достаточные гарантии для независимого, объективного и справедливого исследования доводов сторон, представляемых доказательств и формулирования решения по фактическим и юридическим аспектам спора, являющегося предметом судебного заседания. Состязательность и равноправие сторон, являясь конституционным принципом, распространяется на все стадии и этапы досудебного и судебного производства.

Очевидно, что институт судебно-контрольного производства не мог бы существовать в ситуации функционирования конституционного контроля, если бы он нарушал принцип состязательности и равноправия сторон. Подтверждением конституционности деятельности суда в порядке ст. 165 УПК РФ и норм, регулирующих его деятельность, является обширная практика Конституционного Суда РФ.

Вышесказанное свидетельствует о том, что применительно к судебно-контрольному производству в порядке ст. 165 УПК РФ правильнее говорить об особенностях реализации принципа состязательности, особенностях реализации состязательной процедуры рассмотрения спора, обусловленных задачами, решаемыми в данном производстве. При этом, данные особенности являются составной частью особенностей реализации принципа состязательности в целом на досудебном производстве.

Заметим, что в современной уголовно-процессуальной науке одной из острых и постоянно обсуждаемых проблем научных исследований является поиск компромисса между требованиями состязательности и равноправия сторон и такими нормативно-закрепленными особенностями современного российского досудебного производства, как тайна данных досудебного производства [Подольный, 2020; Подольный, 2022а; Подольный, 2022б] (ч. 1 ст.

¹ Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. Омск, 2009. С. 89.

144, ст. 161 УПК РФ), наделение участников со стороны обвинения властными полномочиями самостоятельно осуществлять расследование, выдвигать и изменять обвинение, применять меры процессуального принуждения, принимать итоговые решения данной стадии, разрешать ходатайства стороны защиты и т.п., что не позволяет говорить о равноправии сторон в досудебном производстве [Баев, 2005; Быков, 2010; Рябина, 2017; Токарева, Тришкина, 2016].

Неотъемлемой частью правового регулирования досудебного производства является правовой механизм защиты различных видов тайн, которые являются предметом исследования на отдельных этапах выявления и расследования преступления. Данный механизм является гарантией защиты не только прав и законных интересов частных лиц, но и публичных интересов. Как верно отмечает Н.А. Власова, «разглашение данных предварительного расследования может помешать установлению истины по делу, способствовать изменению показаний свидетелей и потерпевших, уничтожению или фальсификации доказательств» [Власова, 2016: 147] и иным формам противодействия расследованию со стороны заинтересованных в этом лиц, в том числе обвиняемого, подозреваемого. Отсюда очевидна необходимость в возложении определенных обязанностей на должностных лиц, иных участников уголовного процесса, имеющих доступ к данным сведениям, а также особый усложненный порядок ознакомления с материалами, содержащими данные сведения.

Одним из проявлений данного механизма являются ограничения прав подозреваемого, обвиняемого, защитника в ознакомлении с материалами уголовного дела, в том числе доказательствами, протоколами следственных действий, за исключением узкого круга решений и иных документов по делу, с которыми участники должны быть ознакомлены сразу после их составления и вступления соответствующего участника в производство по уголовному делу.

Частным случаем защиты охраняемой федеральным законом тайны в уголовном процессе является закрепление в ст. 165 УПК РФ особого порядка подготовки и проведения судебного заседания, исключаящего, по общему правилу, участие в нем заинтересованных участников со стороны защиты, как, собственно, и иных участников, за исключением узкого круга допущенных к данным сведениям лиц, указанных в ст. 165 УПК РФ.

Безусловно, речь идет о вынужденном ограничении прав обвиняемого, вытекающих из принципа состязательности и равноправия сторон. В уголовно-процессуальном праве законодатель нередко делает исключения для различных норм, в том числе конституционных принципов правосудия и уголовного судопроизводства: в УПК РФ есть решения суда, которые не только не подлежат самостоятельному обжалованию, но вообще не обжалуются, что является исключением из принципа права на судебную защиту. Один из старейших институтов уголовного судопроизводства «задержание» фактически является исключением из принципа неприкосновенности личности, допустимость которого признана ч. 2 ст. 22 Конституции РФ. Данный перечень, безусловно,

можно продолжать.

В рассматриваемом институте сам предмет судебной деятельности, заключающийся в проверке наличия юридических и фактических оснований для еще не проведенного следственного и иного процессуального действия, требует сохранения в тайне от заинтересованных лиц самого факта обращения следователя (дознателя) в суд и всех аспектов планируемого им следственного или иного процессуального действия. Общедоступность данных сведений в значительной степени снижает потенциальную эффективность работы следователя и дает возможность активно противодействовать ему всем участникам преступной деятельности и иным заинтересованным лицам.

Однако, неинформирование обвиняемого, подозреваемого о процедуре судебно-контрольного производства и планируемых действиях следователя вовсе не свидетельствует об отсутствии собственно правового конфликта, спора. В русском языке слово «спор» означает либо разногласие, разрешаемое судом, либо словесное состязание, обсуждение чего-либо, где каждый отстаивает свое мнение¹. Таким образом, в рамках судебно-контрольного производства спор все-таки ведется, но, по общему правилу, без участия обвиняемого, подозреваемого и иных лиц, права и свободы которых могут быть потенциально ограничены будущим судебным решением.

В основе судебно-контрольного производства лежит спор относительно наличия или отсутствия фактических и юридических оснований, условий, а также препятствий для производства конкретного следственного или иного процессуального действия, подлежащего предварительному судебному контролю.

Возможность разрешения спора без непосредственного участия заинтересованных лиц предусмотрена различными видами судопроизводства, в том числе при осуществлении правосудия, т.е. при рассмотрении дел по существу. Например, ч. 1 ст. 45 ГПК РФ предусматривает возможность подачи прокурором заявления для защиты прав конкретных лиц, которые по состоянию здоровья, недееспособности или иным уважительным причинам не могут сами обратиться в суд. В УПК РФ заочное производство предусмотрено ст. 247 УПК РФ, а также в случае смерти обвиняемого, если близкие родственники настаивают на его реабилитации².

Во всех вышеуказанных случаях законодательство предусматривает механизм защиты прав отсутствующей стороны путем участия специальных субъектов: защитника, представителя (законного представителя), либо, а нередко и наряду с этим, участия прокурора.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 2024. С. 284.

² По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.

На прокурора возложены задачи, связанные с поддержанием самостоятельной позиции, направленной на вынесение законного и обоснованного итогового решения по данному спору. Ключевую роль в регламентации данных обязанностей играют приказы Генерального прокурора РФ. Например, при участии в гражданском процессе в интересах лица, который самостоятельно не может участвовать в судебном заседании, прокурор обязан:

а) до начала судебного заседания:

- изучить материалы дела;
- проанализировать законодательство и судебную практику в сфере спорных правоотношений;

б) во время судебного заседания:

- занимать аргументированную позицию по всем возникающим вопросам;
- принимать активное участие в исследовании доказательств;
- при необходимости ходатайствовать об их истребовании;
- эффективно использовать иные права лица, участвующего в деле.

Данные требования п. 6 Приказа Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2¹ даже в частно-исковом гражданском процессе позволяют успешно восполнить отсутствующую по уважительным причинам сторону, поскольку прокурор, действующий в интересах законности, фактически обязан принять все необходимые меры для обеспечения законности и обоснованности при рассмотрении данного спора.

Публичный по своей природе уголовный процесс возлагает на прокурора не меньше обязанностей. В соответствии с п. 17 Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376², п. 1.8 Приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544³, п. 24 Приказа Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11⁴, п. 3.11 Указания Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020⁵

¹ Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 // Законность. 2021. № 2. С. 25.

² Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389969/ (дата обращения 01.11.2025).

³ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 // Законность. 2021. № 12. С. 36.

⁴ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: Приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 // Законность. 2022. № 4. С. 35-42.

⁵ Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: Указание Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 // Справ.-правовая система

прокуроры обязательно участвуют в судебном-контрольном производстве в порядке ст. 165 УПК РФ. При этом они должны:

а) при подготовке к судебному заседанию:

– изучить постановление-ходатайство и приложенные к нему материалы;

– проверить постановление на соответствие установленным законом требованиями и установленным в ходе расследования обстоятельствам;

б) в судебном заседании:

– принимать все имеющиеся полномочия для восстановления нарушенных прав участников процесса;

– при выявлении нарушений законодательства незамедлительно принимать необходимые меры реагирования;

в) после судебного заседания:

– в случае, если суд вынес решение, противоречащее позиции прокурора, сообщить об этом вышестоящему прокурору и по согласованию с ним принять все необходимые меры для обжалования данного решения в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство (в данном случае оно включает в себя взаимосвязанные положения УПК РФ и принятых в соответствии с законами актов Генеральной прокуратуры РФ) возлагает на прокурора комплекс обязанностей по защите прав и законных интересов участников судебного-контрольного производства, общества и государства посредством формирования законной и обоснованной позиции по вопросу о наличии оснований для производства следственного действия, отстаивание ее законными средствами и способами в судах первой и последующих инстанций. Данная деятельность неразрывно связана с его функциями по осуществлению прокурорского надзора и уголовного преследования на досудебном производстве [Шигурова, Максимочкин, 2019].

В отношении суда прокурор не обладает властными полномочиями. Кроме того, деятельность и решения суда не входят в предмет прокурорского надзора, но данный запрет не снимает с прокурора как самостоятельной стороны обязанности выявлять нарушения в вынесенном судебном решении и добиваться его отмены.

В отношении дознавателя прокурор, напротив, выступает в качестве надзирающего субъекта, что дает ему право не только до начала судебного-контрольного производства «блокировать» направление в суд незаконных и необоснованных ходатайств дознавателя, но и в ходе судебного заседания в порядке ст. 165 УПК РФ при выявлении обстоятельств, исключающих производство соответствующих следственных действий, или изменении позиции прокурора по данному вопросу заявлять о незаконности и (или) необоснованности производства следственного действия.

В отношении следователя прокурор не обладает аналогичными

полномочиями [Шигурова, Лизин, 2016: 23]. На этапе судебного-контрольного производства прокурор и следователь являются независимыми друг от друга участниками со стороны обвинения. На наш взгляд, отнесение прокурора, как и следователя, к участникам со стороны обвинения ни с теоретической, ни с практической точки зрения не препятствует качественному выполнению задач, возложенных на прокурора.

Прокурор – это самостоятельный участник, имеющий отличные от следователя и иных участников со стороны обвинения задачи и функции. Он может занимать и отстаивать позицию, противоречащую позиции следователя, дознавателя, что уже нередко встречается в современной практике, особенно, после выделения из системы российской прокуратуры Следственного комитета РФ.

Так, например, по факту продажи несовершеннолетнему баллона с бытовым газом который потерпевший употребил путем вдыхания, что повлекло тяжкий вред здоровью, Мазановским межрайонным следственным отделом СУ СК России по Амурской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. В ходе расследования были получены доказательства, подтверждающие, что лицом, совершившим вышеуказанные противоправные действия, является Ч.Е.В.

Постановлением исполняющего обязанности руководителя следственного отдела – следователя по особо важным делам Мазановского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Амурской области Б.С.В. перед Селемджинским районным судом Амурской области было возбуждено ходатайство о производстве обыска в жилище Ч.Е.В. по месту ее проживания. В данном ходатайстве следователь указал, что у следствия имеются достаточные основания полагать, что по месту жительства Ч.Е.В. могут находиться предметы и документы, имеющие значение для данного уголовного дела, в том числе документы, относящиеся к деятельности ИП «Магазин Алиса», электронные носители, содержащие видеозаписи с камер видеонаблюдения, установленные в магазине «Алиса», а также предметы и вещества, ограниченные или запрещенные к обороту на территории Российской Федерации, предметы, добытые преступным путем, в связи с чем возникает необходимость в проведении обыска в жилище свидетеля Ч.Е.В. по указанному адресу.

Участвующий в судебном заседании помощник прокурора Ц.А.С. возражал против удовлетворения ходатайства, поскольку, по его мнению, в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие обоснованность заявленного ходатайства, в обоснование следователем приведены общие сведения.

Тем не менее, судом был сделан вывод о том, что следователем представлены достаточные основания для принятия решения по существу, постановление следователя достаточно мотивировано и обосновано. Из материалов дела следует, что Ч.Е.В. работает продавцом в магазине «Алиса», где несовершеннолетним был продан товар, не имеющий декларации и сертификата качества. Заинтересованными лицами, не желающими нести ответственность за

содеянное, часть документов и предметов, имеющих значение для уголовного дела, скрыты. Органами предварительного расследования принимаются меры к их отысканию. Представленные следователем фактические обстоятельства дали суду достаточные основания полагать, что имеются законные основания для проведения обыска в жилище Ч.Е.В.¹

Как видим, в судебном контроле в порядке ст. 165 УПК РФ присутствует спор, законом предусмотрено участие сторон, которые наделены процессуальными правами на отстаивание своей позиции в данном споре. В связи с этим созданы условия для реализации требований принципа состязательности.

Интересно, что рядом авторов отсутствие в судебном заседании лично заинтересованной стороны в виде обвиняемого и подозреваемого рассматривается как фундаментальный недостаток данной процедуры, который ставит под сомнение в целом ее необходимость. В частности, В.В. Кальницкий, делает вывод о неэффективности данного вида судебного контроля. Он отмечает тот факт, что судьи не всегда глубоко вникают в исследование оснований следственных действий, некритично воспринимают позицию следователя и прокурора. Но при этом автор критикует не пассивность, нежелание разобраться в фактических и юридических аспектах разрешаемого вопроса, формализм при выполнении своих обязанностей судей и прокурора как гарантов законности рассмотрения и разрешения постановления-ходатайства следователя, а саму процессуальную модель предварительного судебного контроля. По мнению В.В. Кальницкого, судья на данном этапе – лишнее звено, объективно не способное в отсутствие, как пишет автор, правового спора, полно и объективно исследовать поставленную перед ним правовую ситуацию.

При этом автор приводит факты, которые скорее должны свидетельствовать о практических недостатках в работе судей, прокуроров:

– судьи не исследуют непосредственно доказательства по делу, довольствуясь теми производными доказательствами, которые представляет следователь (на наш взгляд, если письменные доказательства и иные достоверные источники информации, предоставленные следователем, не вызывают у судьи сомнений, то он и не обязан исследовать первоисточники, поскольку ни ст. 165 УПК РФ, ни позиции Пленума Верховного Суда РФ не позволяют автоматически распространить на данный вид судебного контрольного производства общее условие о непосредственности исследования доказательств);

– судьи некритично воспринимают позицию следователя, прокурора, не всегда глубоко исследуют основания следственных действий;

– распространенность практики, когда судья не сам готовит итоговое постановление с отражением собственного анализа представленных оснований

¹ Постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 18.02.2025 г. по делу № 3-3-1/2025 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: arbitr.garant.ru/#/document/345604920 (дата обращения 01.11.2025).

и условий для производства следственного действия, а подписывает, как правило, некачественный проект, предложенный следователем;

– распространенность практики, когда исследование фактических обстоятельств сводится к заслушиванию следователя, повторяющего описательно-мотивировочную часть постановления-ходатайства.

В целом В.В. Кальницкий делает вывод о «принципиальной невозможности» в рамках судебно-контрольного производства полно и объективно исследовать основания для производства следственных действий и, следовательно, необходимости сокращения предмета данного вида судебного контроля до тех конкретных следственных действий, которые прямо указаны в Конституции РФ. Все остальные следственные действия следует передать из предварительного судебного контроля в процедуру согласования прокурором¹.

Аналогичную позицию занимает и С.Б. Россинский. Он также видит в практических недостатках современной деятельности судей и прокуроров основания для общего вывода о ненужности в целом предварительного судебного контроля. По мнению автора, существующая процедура по ст. 165 УПК РФ не имеет смысла, что подтверждается, в том числе, практически 100 % удовлетворения поступающих от следователя ходатайств.

При этом С.Б. Россинский приводит интересный пример того, когда суд первой инстанции отказывает следователю в удовлетворении ходатайства о производстве обыска в жилище подозреваемого. По мнению судьи районного суда представленных следователем «...материалов (рапортов оперативных сотрудников, протоколов обыска, протоколов осмотров изъятых предметов и допросов свидетелей) явно недостаточно для того, чтобы полагать о нахождении в жилище предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела. Однако впоследствии Московским городским судом данное решение было отменено как необоснованное» [Россинский, 2017: 230]. По мнению исследователя, данный пример подтверждает общую закономерность.

Также С.Б. Россинский в качестве недостатков существующей процедуры рассмотрения постановления-ходатайства следователя указывает на отсутствие состязательности, когда закон не дает ответа на вопросы, кто будет противостоять стороне обвинения при судебном исследовании предоставленных следователем доводов, кто будет доказывать незаконность и необоснованность позиции следователя. По мнению автора, существующая модель предварительного судебного контроля не дает ответа на эти вопросы, поэтому он также предлагает заменить ее на механизм согласования прокурором или, в будущем, согласования следственным судьей, если данная должность будет введена [Россинский, 2017: 225].

Позволим себе возразить уважаемым авторам, тем более, что данный критичный взгляд на процедуру предварительного судебного контроля очень распространен. Бессмысленно спорить, особенно в современной ситуации

¹ Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. Омск, 2009.

упадка уважения к праву как способу регулирования общественных отношений со стороны всех субъектов права, в том числе представляющих государство, с тем, что практическая реализация института предварительного судебного контроля далека от той, которая должна существовать в демократическом правовом социальном государстве.

Нет сомнений и в том, что множество тезисов, обозначенных еще в Концепции судебной реформы, так и остались благими пожеланиями: отсутствует «полноценная система сдержек и противовесов в государстве, где почетную роль играет правосудие», так и не появился в России «независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предубеждений суд, выступающий гарантом законности и справедливости»¹. Российская правовая реформа, а вслед за ней и правоприменительная практика еще только в начале этого долгого и тяжелого пути [Мельников, 2023: 112]. В современной ситуации было бы удивительно, если бы на фоне общего нигилистического отношения к праву именно предварительный судебный контроль поражал эффективностью защиты прав человека. При этом проведенный С.Б. Россинским пример наглядно показывает, что даже не уровне отдельных судей невозможны какие-либо подобные аномалии, поскольку единые стандарты требовательности к материалам, представляемым следователем, задают вышестоящие судебные инстанции во главе с Верховным Судом РФ.

Однако, отмечая недостатки существующей практики, важно видеть и положительные аспекты работы, проделанной законодателем и иными субъектами правотворческой деятельности в сфере уголовного судопроизводства, включая Конституционный Суд РФ и Пленум Верховного Суда РФ, по созданию механизма защиты конституционных и иных процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, и не терять достигнутые рубежи, жалуясь на то, что все это работает не так, как ожидалось.

На сегодняшний день заложен нормативный фундамент судебно-контрольного производства, закреплены важнейшие обязанности участников. Соответственно, задача уголовно-процессуальной науки в настоящее время заключается в том, чтобы, видя недостатки существующей процедуры, искать пути их решения, а не отказываться от механизма предварительного судебного контроля. Безусловно, верно отмеченные исследователями недостатки в практике органов прокуратуры и суда требуют разработки гарантий законности и обоснованности в их деятельности.

Для этого необходимо повышать стандарты доказанности оснований для производства следственных и иных процессуальных действий, требовать от прокурора полноценного участия в судебно-контрольной деятельности, например, устанавливая меры дисциплинарного реагирования за пассивную позицию в ходе судебного контроля в случае отмены решений вышестоящими

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

судами по жалобам заинтересованных сторон и т.п. Все вышеуказанное невозможно без целенаправленной политики законодательных, судебных органов, руководства Генеральной прокуратуры РФ.

На наш взгляд, не теряют своей актуальности слова З.З. Зинатуллина, Т.З. Зинатуллина: «Курс на дальнейшее обеспечение прав и свобод человека и гражданина, в том числе и посредством повышения качества осуществления правосудия, должен стать «путеводной звездой» для построения в России подлинно демократического, правового и «крепкого» в социально-экономическом отношении государства, в котором каждому были бы гарантированы все условия для комфортной, достойной жизни» [Зинатуллин, Зинатуллин, 2017: 108].

Заключение

Завершая проведенный анализ особенностей реализации принципа состязательности в ходе предварительного судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ, сделаем ряд выводов.

1. Принцип состязательности полностью распространяется на процедуру предварительного судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ, но имеет свои особенности, обусловленные объективной невозможностью обеспечить личное участие на этапе подготовки и проведения судебного заседания обвиняемого, подозреваемого, защитника и иных лиц, в отношении которых планируется производство следственных и иных процессуальных действий.

2. Отсутствие данных участников компенсируется законодателем возложением публичных функций по обеспечению законности и обоснованности выносимых решений и защите прав участников уголовного судопроизводства на обязательного участника судебного-контрольного производства – прокурора. Несмотря на наличие ряда конкретных норм и обязанностей прокурора по участию в судебно-контрольном производстве в порядке ст. 165 УПК РФ в нормативных актах Генеральной прокуратуры РФ, считаем важным именно в ст. 165 УПК РФ закрепить обязательность участия прокурора в данном виде судебного заседания.

Список литературы (References)

1. Баев О.Я. О состязательности в досудебном производстве по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения. 2005. № 6. С. 16-32.

Baev O.Ya. (2005) On the Adversarial Nature in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Voronezh Criminalistic Readings*. No. 6. P. 16-32. (In Russ.).

2. Быков В.М. Состязательность и равноправие сторон на досудебных стадиях уголовного процесса // Публичное и частное право. 2010. № 3 (7). С. 122-134.

Bykov V.M. (2010) Adversary and Equality of Parties at Pre-Judicial Stages of Criminal Procedure. *Public and Private Law*. No. 3 (7). P. 122-134. (In Russ.).

3. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 147-150.

Vlasova N.A. (2016) Ensuring the Secrecy of the Preliminary Investigation. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3. P. 147-150. (In Russ.).

4. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 года – базовая основа законотворческой и правоприменительной деятельности постсоветской России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 3. С. 107-109.

Zinatullin Z.Z., Zinatullin T.Z. (2017) The Judicial Reform Concept in RSFSR of 24 October 1991 as the Basis of Lawmaking and Law Enforcement Post-Soviet Russia. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. No. 3. P. 107-109. (In Russ.).

5. Мельников В.Ю. Актуальные проблемы судебной реформы и ее влияние на содержание и пределы реализации права // Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов: сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации. Казань: Отечество, 2023. С. 112-116.

Melnikov V.Y. (2023) Actual Problems of Judicial Reform and Its Impact on the Content and Limits of the Implementation of Law. *Lawmaking and application of law: trends in the development of legal concepts and sectoral legal institutions: collection of articles of the 10th All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation*. Kazan: Otechestvo Publ. P. 112-116. (In Russ.).

6. Подольный Н.А. Следственная тайна – общее условие предварительного расследования и тактико-криминалистическое средство установления обстоятельств совершения преступления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 164-172. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10038.

Podolny N.A. (2020) Investigative Secrecy Is a General Condition of the Preliminary Investigation and Tactical-Forensic Means to Establish the Circumstances of the Crime. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. No. 2 (14). P. 164-172. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10038. (In Russ.).

7. Подольный Н.А. Следственная тайна как средство оптимизации расследования // Проблемы права. 2022а. № 3 (86). С. 87-92. DOI: 10.14529/pro-prava220316.

Podolny N.A. (2022a) Investigative secrecy as a means of optimizing the investigation. *Issues of Law*. No. 3 (86). P. 87-92. DOI: 10.14529/pro-prava220316. (In Russ.).

8. Подольный Н.А. Следственная тайна как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2022б. № 2. С. 50-57. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-50-57>.

Podolny N.A. (2022b) Investigative secrecy as a tactical and forensic means of investigating crimes. *Bulletin of the Russian Law Academy*. No. 2. P. 50-57. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-50-57>. (In Russ.).

9. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225-235. DOI: 10.17223/15617793/423/31.

Rossinskiy S.B. (2017) Reflections on the Effectiveness of Judicial Control over the Conduct of Investigative Actions. *Tomsk State University Journal*. No. 423. P. 225-235. DOI: 10.17223/15617793/423/31. (In Russ.).

10. Рябинина Т.К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 200-213. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.200-213>.

Ryabinina T.K. (2017) On whether the Russian Criminal Procedure Requires Institute of Investigating Judge. *Lex Russica*. No. 12 (133). P. 200-213. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.200-213>. (In Russ.).

11. Токарева Е.В., Тришкина Е.А. К вопросу реализации отдельных признаков принципа состязательности сторон, в стадии предварительного расследования // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95). С. 249-251.

Tokareva E.V., Trishkina E.A. (2016) The Issue of Implementation of the Individual Features of the Adversarial Principle in the Stage of Preliminary Investigation. *Eurasian Law Journal*. No. 4 (95). P. 249-251. (In Russ.).

12. Шигурова Е.И., Лизин О.В. Взаимоотношения следователя, руководителя следственного органа, прокурора: проблемы уголовно-процессуального законодательства // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5). С. 23.

Shigurova E.I., Lizin O.V. (2016) Relations Investigator, the Head of Investigatory Body, the Prosecutor: Problems of Criminal Procedural Law. *The world of science, culture and education*. No. 1 (5). P. 23. (In Russ.).

13. Шигурова Е.И., Максимочкин М.Е. Проблемы реализации прокурором надзорных полномочий в стадии возбуждения уголовного дела // Материалы XXII научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. В 3 ч. Ч. 3. Саранск: Изд-во МГУ им. Н.П. Огарева, 2019. С. 433-434.

Shigurova E.I., Maksimochkin M.E. (2019) Problems of the prosecutor's implementation of supervisory powers at the stage of initiating a criminal case. *Proceedings of the XXII scientific and practical conference of young scientists, graduate students, and students of the National Research Mordovia State University. Part 3*. Saransk: Mordovia State University Publ. P. 433-434. (In Russ.).

Сведения об авторе

Шигуров Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

About the author

Shigurov Alexander Viktorovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Поступила 07.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

Submitted 07.12.2025; revised 30.12.2025; accepted 30.12.2025.

УДК 343.72:343.985.7

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-70-84

А. А. Пестрякова

Академия управления и производства,
Москва, Россия, e-mail: Alena_krivova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ

Криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного с использованием электронных средств (онлайн-мошенничества), является обязательным элементом методики расследования данного вида преступлений. Образующие ее сведения успешно используются при раскрытии и расследовании различных видов киберпреступлений. Однако, это не означает отсутствия в теории и на практике ряда спорных вопросов, имеющих отношение к рассматриваемой характеристике. В частности, до настоящего времени не решен однозначно вопрос о круге сведений, которые целесообразно освещать в рамках криминалистической характеристики онлайн-мошенничества. К такого рода сведениям должны предъявляться определенные требования – теоретическая доказанность, распространенность, значимость для решения криминалистическими средствами и методами задач выявления, раскрытия преступлений, изобличения виновных и т.д.

Изучение предлагаемых в научных и практических работах по проблемам раскрытия и расследования киберпреступлений вариантов криминалистической характеристики онлайн-мошенничества показало, что многие из этих характеристик являются неполными, противоречивыми, отдельные сведения не всегда правильно интерпретируются, недостаточно увязываются с насущными потребностями следственной практики. Отмеченные моменты актуализируют важность специального исследования структуры и содержания криминалистической характеристики мошенничества, совершенного с использованием электронных средств.

Ключевые слова: мошенничество, совершенное с использованием электронных средств, онлайн-мошенничество, киберпреступления, криминалистическая характеристика, криминалистически значимые признаки, методика расследования, компьютерная информация, способ, обстановка, цифровые следы.

Ссылка для цитирования: Пестрякова А.А. Содержание и значение криминалистической характеристики мошенничества, совершенного с использованием электронных средств // Социальные нормы и практики. 2025. № 4. С. 70-84. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-4-70-84.

A. A. Pestryakova

Academy of Management and Production,
Moscow, Russia, e-mail: Alena_krivova@mail.ru

THE CONTENT AND SIGNIFICANCE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD COMMITTED BY ELECTRONIC MEANS

In contemporary investigative practice, the criminalistic characteristics of fraud committed by electronic means (online fraud) constitutes a key element of the methodology for investigating this category of crimes. The information it comprises is successfully used in the detection and investigation of various types of cybercrime. However, numerous controversial issues remain in both theory and practice. In particular, the scope of information appropriate for inclusion in a forensic characterization of online fraud has not yet been clearly defined. Such information must meet certain requirements, including theoretical substantiation, prevalence, and relevance for solving the problems of identifying and investigating crimes, establishing the persons involved, and ensuring effective criminal prosecution through forensic tools and methods.

A study of criminalistic characteristics of online fraud presented in academic and practical research on cybercrime detection and investigation reveals that many of these characteristics are incomplete and contradictory. Certain pieces of information are not always correctly interpreted and insufficiently aligned with the pressing needs of investigative practice. These findings highlight the importance of a specialized study of the structure and content of criminalistic characteristics of fraud committed by electronic means.

Keywords: fraud committed by electronic means, online fraud, cybercrime, criminalistic characteristics, forensically significant features, investigative methodology, computer information, method, context, digital traces.

For citation: Pestryakova A.A. (2025) The Content and Significance of Criminalistic Characteristics of Fraud Committed by Electronic Means. *Social norms and practices*. No. 4. P. 70-84. DOI: 10.24412/2713- 1033-2025-4-70-84.

Введение

Обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере является одним из основных принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 (п. «е» ст. 3)¹. Как отмечалось в нашей более ранней работе, «в данном направлении наше государство предпринимает комплекс мер, в числе которых особое место

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

занимает введение уголовной ответственности за посягательства в сфере информационной безопасности граждан. Подтверждением этого служит криминализация ряда противоправных действий, связанных с использованием современных информационных технологий (так называемых киберпреступлений)» [Пестрякова, 2025: 84]. Так, в УК РФ были включены статьи 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» и 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Складывающиеся тенденции в сфере борьбы с киберпреступлениями вызывают определенные опасения. По данным официальной статистики МВД России, доля данных деяний растет. Например, «...в 2022 г. зарегистрировано 522065 таких преступлений, что составляет 26,5 % от общего числа всех зарегистрированных преступных посягательств, тогда как... в 2017 г. этот показатель был почти в шесть раз ниже и составлял всего 4,4 %» [Харина, 2024: 3-4]. В 2024 году в МВД зарегистрировали 765 тыс. киберпреступлений, среди которых 486 тыс. приходилось на онлайн-мошенничество, что составило 40 % от общего числа всех правонарушений. В результате действий кибермошенников в 2024 году пострадали 448,9 тыс. человек, немного больше, чем в 2023 году, когда этот показатель составил 448,5 тыс. В 2024 году ущерб от онлайн-мошенничества увеличился на 36 % и составил 200 миллиардов рублей. В статистике МВД РФ за 2023 год аналогичный ущерб был зафиксирован на уровне 147 миллиардов рублей.

Данные показатели свидетельствуют о том, что на текущий момент борьба с онлайн-мошенничествами недостаточно эффективна по ряду причин: «...во-первых, особенности противоправной деятельности, связанной с компьютерной информацией, изучение которой всегда требует применения специальных знаний, высокой квалификации, высокотехнологичных средств, специализированных информационных ресурсов; во-вторых, сложности в обнаружении следов преступной деятельности, существующих в форме компьютерной информации; в-третьих, постоянно совершенствующиеся способы совершения преступлений, связанные с новыми программными продуктами и компьютерными устройствами; в-четвертых, использование различных средств коммуникации, затрудняющих идентификацию пользователей (анонимные мессенджеры и др.)» [Пестрякова, 2025: 84].

Для повышения эффективности борьбы с онлайн-мошенничествами необходимо переосмыслить подходы к разработке криминалистической характеристики киберпреступлений и ее практическому применению.

Материалы и методы

Теоретической основой исследования послужили труды С.Ю. Балмочных, Ю.М. Батурина, В.Ю. Белицкого, Л.В. Бертовского, А.А. Васильева, В.Ф. Васюкова, В.Б. Вехова, Ю.В. Гаврилина, Г.Р. Григоряна, М.А. Ефремовой, Л.В. Ивановой, Е.П. Ищенко, Р.Г. Камнева, А.Н. Колычевой, К.С. Латыповой, В.А. Мещерякова, В.А. Милашева, В.А. Образцова, Г.В. Пережогойной, В.В. Полякова, И.М. Рассолова, Е.Р. Россинской, Е.А. Рускевича,

М.Д. Фролова, Е.А. Хариной и других ученых.

В целом, исследования указанных авторов позволили создать оптимальную, цельную, законченную систему описания криминалистически значимых признаков онлайн-мошенничества, показать их значение для эффективного осуществления практической криминалистической деятельности. Однако отдельные аспекты требуют более глубокого изучения, становятся актуальными новые вопросы, связанные с современным состоянием и динамикой киберпреступности и борьбы с нею.

Методологическую основу исследования составили диалектический, сравнительный, статистический, логические, психологические методы, а также группа методов криминалистического анализа и изучения следственной практики.

Изучение проблемы

Любая криминалистическая характеристика представляет собой описание характерных, отличительных качеств, черт какого-либо преступления, значимых для его раскрытия и расследования, и отражает самые существенные и устойчивые признаки и закономерности определенного вида преступлений. Чтобы получить криминалистическую характеристику, необходимо обобщить данные о соответствующем виде преступлений и выявить закономерности между элементами таких преступлений.

Криминалистическая характеристика имеет практическую ценность, когда представляет собой не просто комплекс сведений, но при условии, что «... между его составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер» [Белкин, 2001: 222].

Учитывая вышесказанное, криминалистическую характеристику мошенничества, совершенного с использованием электронных средств, можно определить как систему сведений, основанную на обобщенных данных следственной и судебной практики и отражающую совокупность криминалистически значимых признаков данного вида преступлений, знание которых необходимо для разработки научно обоснованных рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Мошенничество, совершаемое с использованием электронных средств, представляет собой двойственную по своей природе форму преступного поведения, которая одновременно охватывает признаки преступления против собственности и относится к числу высокотехнологичных (компьютерных) уголовно-правовых деликтов. С одной стороны, данное деяние сохраняет классическую структуру имущественного преступления и направлено на незаконное изъятие имущества или приобретение прав на него. С другой стороны, особенности способа совершения, основанного на информационных технологиях, выводят это преступление за пределы обычной криминальной практики.

В структуру криминалистической характеристики мошенничества, совершенного с использованием электронных средств, обычно включаются

данные о способах реализации преступного замысла, об обстановке, в которой совершается преступление, о следовой картине, а также сведения о типичных личностных свойствах преступника и потерпевшего.

Под способом реализации преступного замысла понимается совокупность методов, применяемых субъектом преступной деятельности для достижения противоправного результата. Следует отметить, что способ совершения преступления – это не просто технический прием, а системное отражение внутренней мотивации и целенаправленности личности правонарушителя, реализующееся во внешне наблюдаемой форме. Он охватывает действия по подготовке преступления, его непосредственному осуществлению, а также укрывательству следов и представляет собой динамическую совокупность внешних проявлений внутреннего состояния субъекта, направленных на достижение противоправного результата [Харина, 2023а: 12].

Анализ правоприменительной практики и научной литературы позволяет выделить и систематизировать наиболее характерные способы совершения рассматриваемых деяний. В рамках предложенной классификации выделяются несколько моделей онлайн-мошенничества: организованное (предполагающее участие устойчивой группы лиц, действующих по предварительному плану); несложное (характеризующееся применением ограниченного набора технических средств и низкой степенью сокрытия следов); простое (при котором используется минимальный уровень информационно-технологической подготовки).

В структуре способа совершения преступления важное место занимают действия, предшествующие непосредственному осуществлению противоправного деяния, то есть подготовительный этап, на котором закладываются основные условия для успешной реализации преступного замысла. Анализ материалов, полученных в ходе исследования, свидетельствует о том, что мошенничество, совершаемое с использованием электронных средств, практически никогда не осуществляется спонтанно, напротив, оно предполагает предварительную проработку схемы действий, адаптацию инструментов и анализ цифровой среды. Подготовительные мероприятия могут варьироваться по глубине, сложности и длительности в зависимости от выбранной модели совершения преступления.

Типовыми подготовительными мероприятиями являются, в частности: «...разработка плана и механизма преступной деятельности; получение специальных познаний, навыков и умений в сфере ИТТ либо приискание лиц, ими обладающих; создание преступного формирования; приобретение соответствующих компьютерных устройств, технических средств, средств связи, средств платежа (банковских, иных платежных карт и т.д.); регистрация электронной почты, установка мессенджеров, программ, сервисов, затрудняющих идентификацию; регистрация юридических лиц, открытие банковских счетов для перенаправления похищенных денежных средств; приобретение в собственность и/или аренда жилых, нежилых помещений; получение конфиденциальной информации, необходимой для совершения

хищений; приискание, создание ВПО (*вредоносного программного обеспечения* – курсив мой. – А.П.); поиск, аренда управляющих серверов; создание сайтов, имитирующих официальные сайты; использование в противоправных целях компьютерных сетей, позволяющих организовать доступ к информации, распространение которой в России запрещено; использование различных программ, направленных на сокрытие следов преступной деятельности; изучение деятельности объекта преступного посягательства» [Харина, 2024: 21-22].

В настоящее время, с учетом проведенных исследований, можно выделить следующие наиболее распространенные способы онлайн-мошенничества:

«1) посредством осуществления неправомерного доступа к информационной инфраструктуре кредитной организации;

2) посредством воздействия вредоносного программного обеспечения... на компьютерные устройства клиентов кредитных организаций;

3) посредством установления контроля за работой компьютерных устройств юридических лиц через предустановленное ВПО;

4) посредством неправомерного внесения изменений в платежные поручения юридических лиц;

5) посредством осуществления несанкционированного управления работой банкомата;

6) посредством задержки шторки купюроприемника банкомата либо с использованием приспособлений, позволяющих вернуть вложенные купюры;

7) посредством создания и использования «фишинговых» сайтов» [Харина, 2024: 13-14].

«Анализ следственной практики свидетельствует о высокой степени активности субъектов преступной деятельности, направленной на противодействие выявлению, раскрытию и расследованию онлайн-мошенничеств. Указанное поведение приобретает особенно выраженный характер при участии организованных преступных групп, в составе которых нередко действуют специализированные лица, основной задачей которых является сокрытие цифровых следов, образующихся в результате реализации преступного замысла» [Пестрякова, 2025: 87].

В целях противодействия расследованию преступники активно используют специализированные программные решения, предназначенные для маскировки источников и маршрутов цифровой активности. Среди них: «ремейлеры», осуществляющие переадресацию писем и подмену адреса отправителя, затрудняющие отслеживание исходного узла отправки; анонимайзеры, обеспечивающие подмену IP-адреса, используемого устройством; VPN-сервисы, создающие зашифрованный туннель между пользователем и удаленным сервером, скрывающим истинный источник интернет-соединения; прокси-серверы, играющие роль посредников в передаче данных между клиентом и интернетом, в том числе открытые и анонимные, через которые может проходить трафик от сотен пользователей, имеющих один и тот же внешний IP-адрес.

Выявление способа реализации преступного замысла, как правило, тесно коррелирует с другим важным элементом криминалистической характеристики – системой следов, возникающих в результате противоправной деятельности.

Последствиями преступлений в сфере информационных технологий могут быть как вещественные следы (например, следы электронных носителей, модификации программных кодов), так и цифровые следы (журналы активности, сетевые лог-файлы, данные о подключениях и др.). Анализ следовой информации позволяет реконструировать не только непосредственный способ совершения преступления, но и детали, касающиеся подготовки, примененных технических средств, сценариев сокрытия, а также числа и характеристик лиц, принимавших участие в совершении деяния.

Особенности следовой картины при расследовании онлайн-мошенничеств во многом определяются преобладанием цифровых следов, составляющих основную доказательственную базу [Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, 2023: 44-45]. Характер этих следов может варьироваться в зависимости от квалификации преступника, примененных им программных средств, способов маскировки действий и удаленности от места совершения преступления. Преступники с высоким уровнем ИТ-подготовки, как правило, оставляют минимальный объем прямых цифровых следов, тогда как действия менее компетентных лиц фиксируются в системных логах, сетевых журналах, временных файлах и иных хранилищах.

В литературе выделяют три взаимосвязанные стадии процесса формирования цифрового следа. Первая стадия – физическое проявление характеристик следообразующего объекта, то есть момента взаимодействия субъекта с техническим устройством. Вторая стадия охватывает преобразование проявленных признаков в цифровую форму, обеспечивающую возможность их фиксации и дальнейшего анализа. На третьем этапе происходит предварительная обработка, передача и сохранение полученной информации, что завершает процесс формирования криминалистически значимого цифрового следа.

К числу ключевых элементов криминалистической характеристики преступления относится обстановка, в которой реализуется противоправное деяние. Эта категория охватывает совокупность внешних условий и ситуационных факторов, непосредственно влияющих на характер, динамику и особенности преступного поведения. Анализ обстановки имеет важнейшее значение для реконструкции механизма преступления, поскольку определяет специфику подготовки, выбор способа реализации преступного замысла, тактику сокрытия следов, а также оказывает воздействие на поведенческую модель участников противоправной деятельности.

Спецификой преступлений в сфере компьютерной информации является то, что они совершаются без непосредственного контакта с потерпевшим, в особом нематериальном пространстве, которое называют «киберпространством» [Рассолов, 2009: 11], «виртуальным пространством» [Ищенко, 2013: 16-23], «цифровым пространством» [Иванова, Пережогина, 2020: 158-160]. В Стратегии развития информационного общества РФ используется термин

«информационное пространство»¹. Несмотря на терминологические различия, указанные понятия объединяет то, что взаимодействия в таком пространстве осуществляются посредством цифровых технологий, «...прямой контакт между правонарушителем и потерпевшим отсутствует, что качественно отличает онлайн-мошенничество от классических форм имущественных преступлений» [Пестрякова, 2025: 85].

Одной из характерных черт киберпреступлений является высокая степень подготовленности со стороны субъектов противоправной деятельности. Особенно это касается лиц, обладающих углубленными техническими знаниями и навыками. Подобная тенденция напрямую обусловлена влиянием специфической обстановки, формирующейся в цифровом пространстве, на выбор способов совершения деяния.

На этапе предварительной подготовки преступники, как правило, предпринимают целенаправленные меры по модификации обстановки после реализации преступного действия. Основное внимание при этом уделяется уничтожению следовой информации, которая могла бы быть использована в процессе расследования. Среди распространенных приемов решения данной задачи можно выделить следующие: применение программного обеспечения с функцией автоматического удаления данных, использование самоуничтожающихся скриптов, ликвидация журналов активности, файлов регистрации, системных логов и других цифровых артефактов, способных свидетельствовать о вмешательстве в информационную систему.

Соответственно, наметившаяся в преступной практике устойчивая тенденция к активному воздействию на обстановку как до, так и после совершения деяния, требует от правоохранительных органов применения нестандартных подходов к фиксации и восстановлению цифровой следовой информации, а также пересмотра традиционных методик оценки криминалистической обстановки с учетом ее виртуализированного характера.

К основным элементам обстановки совершения преступления следует отнести место и время.

В условиях стремительной цифровизации и перехода пространства в виртуальную форму понятие места преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий приобретает специфические черты.

В научной литературе сформировались различные подходы к определению места совершения преступлений, относящихся к области компьютерной информации. Так, согласно позиции Л.В. Ивановой и Г.В. Пережогойной, под местом совершения подобного рода деяний следует понимать точку, в которой осуществляется ввод данных или подключение к информационно-телекоммуникационной сети, откуда запускается противоправная активность. При этом, в трактовке указанных авторов, территориальная локализация

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

наступивших последствий значения не имеет [Иванова, Пережогина, 2020: 166].

В рамках альтернативной точки зрения В.В. Коломинов подчеркивает, что, в контексте мошенничества с использованием цифровых технологий, «кроме телекоммуникационной сети, местом совершения мошенничества являются места обналичивания денежных средств, полученных путем обмана» [Коломинов, 2015: 267].

Анализ судебной и следственной практики свидетельствует о том, что местом совершения рассматриваемой категории преступлений признаются как место совершения деяния, так и место наступления общественно опасных последствий. Кроме того, криминалистической значимостью обладают и места обналичивания денежных средств, полученных преступным путем, поскольку часто такие места оборудованы средствами видеонаблюдения, что позволяет получить доказательственную информацию. Записи с таких устройств могут быть использованы для идентификации лица, совершившего преступление, а также для верификации времени и способа реализации соответствующих действий.

При дистанционном способе совершения преступлений ключевым объектом криминалистического анализа становится место размещения устройств потерпевшего. Именно на них фиксируются цифровые следы, позволяющие выявить вредоносную активность, включая функционирование вредоносного программного обеспечения, и восстановить хронологию преступных действий. Это особенно актуально при посягательствах на инфраструктуру банковских учреждений.

Как отмечалось выше, отличительной чертой киберпреступлений является опосредованный характер взаимодействия между их участниками. Отсутствие физического контакта обусловлено использованием сетевых каналов связи, что позволяет преступнику и потерпевшему находиться в различных регионах, включая территории иностранных государств. Такая специфика усиливает трансграничную природу преступных деяний и порождает дополнительные сложности в расследовании и юрисдикционном определении. Отмеченная трансграничность существенно осложняет проведение процессуальных действий и межгосударственного взаимодействия в рамках расследования. На практике зафиксированы случаи, когда деятельность преступных сообществ охватывала более сорока юрисдикций, что стало возможным благодаря использованию глобальной информационно-коммуникационной инфраструктуры¹.

Временной фактор представляет собой важный элемент обстановки совершения киберпреступлений. Учитывая особенности функционирования компьютерных устройств, обладающих встроенными механизмами хронометража операций пользователей и системных процессов, установление времени совершения противоправного деяния, как правило, не представляет

¹ Колычева А.Н., Васюков В.Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие. М., 2020. С. 24-25.

значительных трудностей. Однако с криминалистической точки зрения особое внимание следует уделять вопросам достоверности таких временных меток. Не исключается возможность преднамеренной коррекции системного времени с целью искажения следовой информации и сокрытия факта преступного вмешательства.

Хронологические особенности совершения онлайн-мошенничества во многом зависят от способа реализации преступного замысла. В частности, при хищениях, осуществляемых посредством неправомерного доступа к информационной инфраструктуре кредитных организаций, преступники, как правило, прибегают к предварительной, тщательно спланированной подготовке [Харина, 2023а]. На этом этапе возможны тестовые подключения, анализ защищенных сегментов сети, сбор служебной информации и подбор уязвимостей. От момента первичного проникновения в систему до реализации хищения может пройти значительное время, от нескольких дней до нескольких недель. Заключительная фаза преступления, как показывает практика, нередко осуществляется в вечернее время последнего рабочего дня недели, а также в выходные и праздничные дни, когда контроль со стороны специалистов по информационной безопасности ослаблен, а оперативное реагирование на инциденты затруднено.

Аналогичная временная специфика наблюдается при совершении преступлений, связанных с физическим вмешательством в функционирование банкоматов. Такие действия, как показывает практика, преимущественно совершаются в ночное либо позднее вечернее время. Данный выбор обусловлен стремлением минимизировать риск визуального обнаружения, в том числе с использованием систем видеонаблюдения, а также исключить вероятность наличия случайных очевидцев.

В противоположность этому, в преступлениях, совершаемых с использованием служебного положения, например, сотрудниками финансово-кредитных учреждений, преступный замысел реализуется преимущественно в рабочие часы [Харина, 2023а], когда у лиц, обладающих доступом к компьютерной банковской инфраструктуре, есть возможность законного входа в систему и совершения преступных действий без выхода за рамки их формальных служебных полномочий.

В структуру обстановки можно обоснованно включить «обладание соответствующими компьютерными устройствами, программно-аппаратными и другими техническими средствами, с помощью которых и совершаются преступления данной категории» [Харина, 2024: 12]. Наличие или отсутствие таких технических ресурсов во многом определяет способ совершения деяния, механизмы сокрытия следов, а также влияет на успешность или провал преступного замысла. Уровень технического оснащения преступника, в частности, наличие дорогостоящего оборудования, высокотехнологичных вредоносных программ, обладающих способностями к маскировке, самоуничтожению, а также преодолению систем информационной безопасности, формирует искусственно созданную обстановку высокой

устойчивости к обнаружению.

Важным элементом криминалистической характеристики онлайн-мошенничества выступают данные о личности преступника.

Наряду с обобщенным образом личности преступника в криминологии подчеркивается, что в зависимости от характера преступной направленности, конкретной социальной среды, способа совершения преступления и его цели личность правонарушителя может обладать рядом специфических черт, отличающих ее от иных категорий преступников. Эти особенности проявляются в поведенческих установках, мотивационной структуре, уровне подготовки, а также в характере отношения к потерпевшему и выбранному объекту посягательства.

Совершение онлайн-мошенничества требует от злоумышленника применения «...специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий. Уровень таких познаний напрямую зависит от способа совершения деяния и сложности применяемых технических решений» [Пестрякова, 2025: 86].

Анализ личности преступника, совершающего киберпреступления, позволяет выделить одну из наиболее характерных черт – отстраненность от личности жертвы. Как правило, субъект подобных деяний не находится в непосредственном контакте с потерпевшим, не обладает информацией о его индивидуально-личностных качествах и не стремится к их получению. Для него значение имеет не жертва как личность, а ее функциональное положение как носителя определенных цифровых, финансовых или иных ресурсов. Определяющим фактором мотивации таких правонарушителей выступает факт обладания жертвы ценным объектом посягательства, доступ к которому и составляет основную задачу преступника.

Анализ данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ позволяет выделить типичный социально-демографический профиль лица, осужденного за киберпреступления. Преобладающее большинство таких преступников – мужчины от 18 до 35 лет, имеющие высшее или среднее профессиональное образование, что свидетельствует о вовлечении в преступную деятельность относительно молодых и образованных лиц, обладающих базовыми или углубленными навыками работы с цифровыми технологиями и компьютерными системами. Возрастной диапазон объясняется тем, что именно в данном периоде жизни лицо, с одной стороны, обладает уже сформированными профессиональными навыками, с другой – сохраняет гибкость восприятия, активность в цифровой среде, а также склонность к экспериментированию и риску. Наличие профессионального образования, в свою очередь, создает техническую основу для реализации преступных схем различной степени сложности.

В рамках анализа социальных и психологических характеристик лиц, совершающих киберпреступления, представляется целесообразным выделить ряд устойчивых негативных поведенческих черт, которые, в большинстве случаев, проявляются в процессе их социальной адаптации и профессионального

позиционирования. К числу таких особенностей относятся: негативное отношение к физическому труду; отсутствие патриотических установок; ограниченность социальных контактов; гипертрофированная самооценка и убежденность в безнаказанности [Харина, 2023b: 54].

В рамках криминалистической характеристики преступлений указанной категории обоснованным представляется выделение элемента, связанного с личностью потерпевшего, как значимой структурной единицы.

Круг лиц, признаваемых потерпевшими от действий онлайн-мошенников, отличается высокой степенью охвата и включает как физических, так и юридических лиц, независимо от формы собственности. Киберпреступления посягают на имущественные интересы, информационные ресурсы, банковские счета, персональные данные и иные цифровые активы, что делает уязвимыми как частных граждан, так и коммерческие структуры, государственные учреждения, финансовые организации.

Ключевая отличительная черта онлайн-мошенничества заключается в отсутствии непосредственного контакта между преступником и потерпевшим. Данный фактор обусловлен спецификой цифровой среды, в которой субъекты противоправной деятельности действуют удаленно, нередко анонимно, используя сложные схемы сокрытия своего присутствия.

Выбор жертв киберпреступлений напрямую зависит от уровня организации и цели преступной деятельности. При атаках на систему дистанционного банковского обслуживания решающим фактором является наличие средств на счете, вне зависимости от личности владельца. Типичным признаком потерпевшего является также наличие материальных ресурсов, доступ к которым возможен через цифровые каналы. Еще одним важным фактором выступает пренебрежение мерами информационной безопасности, включая неосведомленность о способах защиты и недооценку угроз.

К числу лиц, наиболее подверженных риску стать потерпевшими от онлайн-мошенничества, относятся, прежде всего, активные пользователи сети Интернет, в особенности те, кто регулярно осуществляет платежные операции, приобретает товары и услуги онлайн, а также использует системы дистанционного банковского обслуживания. Постоянное обращение к цифровым сервисам и передача персональных данных через сетевые каналы значительно увеличивает вероятность незаконного использования информации и, как следствие, вовлечения пользователя в преступную схему.

Кроме того, определенной уязвимостью обладают и юридические лица, в том числе коммерческие и государственные структуры, в чьем распоряжении находятся программно-технические комплексы, обеспечивающие доступ к корпоративным, финансовым и персонализированным данным. Даже при наличии формализованных мер информационной безопасности, наличие уязвимостей в архитектуре систем, ошибок в конфигурации или использование устаревших средств защиты создает реальные условия для несанкционированного доступа со стороны преступников.

Выводы

Рассмотренные группы криминалистически значимых сведений «...позволяют сформировать функциональную модель преступной деятельности в виде онлайн-мошенничества. Эта модель может использоваться для разработки эффективной тактики первоначальных следственных действий, построения версий, прогнозирования развития событий и повышения раскрываемости цифровых преступлений» [Пестрякова, 2025: 87].

Методика расследования онлайн-мошенничеств во многом зависит от правильного использования криминалистической характеристики этих преступлений. Возможности, которые предоставляет криминалистическая характеристика следователям, дознавателям и др., помогают строить версии по делу, целенаправленно организовывать поиск преступника, обнаруживать доказательства.

Процесс познания в ходе раскрытия онлайн-мошенничества основывается на сборе, накоплении, переработке, исследовании и использовании фактической информации, которая обобщается в связанных между собой элементах криминалистической характеристики. Выявление таких связей и установление закономерностей, по которым они образуются, осуществляется на основе данных обобщения следственной практики, изучения статистических совокупностей уголовных дел об онлайн-мошенничестве.

Список литературы (References)

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001.

Belkin R.S. (2001) *Criminalistics: Contemporary Problems. Burning issues of Russian criminalistics*. Moscow: Norma Publ. (In Russ.).

2. Иванова Л.В., Пережогина Г.В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 155-171. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171.

Ivanova L.V., Perezhogina G.V. (2020) The digital space as a crime scene under global constraints. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. Vol. 6. No. 4 (24). P. 155-171. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171. (In Russ.).

3. Ищенко Е.П. Виртуальное пространство как объект криминалистического познания // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы Международной науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. С. 16-23.

Ishchenko E.P. (2013) Virtual Space as an Object of Criminalistics Knowledge. *Criminalistic Science and Forensic Activity in Modern Conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes*. Vol. 1. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ. P. 16-23. (In Russ.).

4. Коломинов В.В. Установление места совершения преступления в процессе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Международной науч.-практ. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский филиал РГУП, 2015. С. 264-268.

Kolominov V.V. (2015) Establishing the Crime in the Process of Investigation of Fraud in the Sphere of Computer Information. *Criminalistic Readings on the Baikal – 2015: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk: East Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice Publ. P. 264-268. (In Russ.).

5. Пестрякова А.А. Криминалистические признаки онлайн-мошенничества // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации: материалы V Международной науч.-практ. студенческой конференции. М.: Академия управления и производства, 2025. С. 84-87.

Pestryakova A.A. (2025). Forensic features of online fraud. *Modern trends in the development of management and production in the context of digitalization: Proceedings of the V International Scientific and Practical Student Conference*. Moscow: Academy of Management and Production Publ. P. 84-87. (In Russ.).

6. Рассолов И.М. Право и Интернет: теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009.

Rassolov I.M. (2009) Law and the Internet: Theoretical Issues. 2nd ed., suppl. Moscow: Norma. (In Russ.).

7. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2023.

Theory of Information and Computer Support for Criminalistic Activity (2023) / ed. by E.R. Rossinskaya. Moscow: Prospect. (In Russ.).

8. Харина Е.А. К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2023а. № 11. С. 11-15. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-11-11-15.

Kharina E.A. (2023a) On the Criminalistic Characteristics of Cyber Fraud. *Russian Investigator*. No. 11. P. 11-15. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-11-11-15. (In Russ.).

9. Харина Е.А. Личность типичного преступника, совершившего мошенничество в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2023б. № 9. С. 53-57. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-9-53-57.

Kharina E.A. (2023b) The Identity of a Typical Cybercrime Perpetrator. *Russian Investigator*. No. 9. P. 53-57. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-9-53-57. (In Russ.).

10. Харина Е.А. Особенности методики расследования мошенничества в сфере компьютерной информации: автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.

Kharina E.A. (2024) Methodology for investigating computer fraud. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of Candidate of Law Sciences. Krasnodar. (In Russ.).

Сведения об авторе

Пестрякова Алена Анатольевна – магистрант, Академия управления и производства.

E-mail: Alena_krivova@mail.ru

About the author

Pestryakova Alena Anatolievna – undergraduate, Academy of Management and Production.

E-mail: Alena_krivova@mail.ru

Поступила 15.12.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 30.12.2025.

Submitted 15.12.2025; revised 29.12.2025; accepted 30.12.2025.

Сетевой электронный научный журнал

Социальные нормы и практики / Social norms and practices

2025. Номер 4.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Главный редактор: Е.А. Коваль

Информацию о журнале «Социальные нормы и практики» см. на сайте:
<https://snpractice.ru/>